
Элементаль
Мара Найт
18+

Мара Найт

Элементаль

«Автор»
2026

Найт М.

Элементаль / М. Найт — «Автор», 2026

В мире, где четыре царства веками хранят свои традиции и соперничают за власть, судьбы принцесс редко принадлежат им самим.Женевьева, принцесса Царства Воды, мечтает о свободе, приключениях и праве самостоятельно выбирать своё будущее. Но у короны на неё совсем другие планы.Её хотят выдать замуж за Игнеса — могущественного короля Царства Огня. Этот союз должен укрепить отношения двух государств, и желания самой принцессы едва ли кого-то интересуют.Но всё усложняется с появлением Дариана — младшего брата короля. Дерзкий, обаятельный и совершенно не склонный соблюдать правила, он пробуждает в Женевьеве чувства, которым нет места в планах королевских семей.Пока между ними разгорается опасное притяжение, за стенами королевских замков плетутся интриги, рушатся старые договорённости, а над четырьмя царствами постепенно сгущается угроза войны.В мире, где даже любовь может стать оружием, Женевьеве придётся решить, чего она готова лишиться ради собственного выбора.

© Найт М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 26
Глава 3 34
Г 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Мара Найт
Элементаль

Пролог

Были времена, когда человеческая жизнь длилась столетиями.

Сто пятьдесят лет не считались пределом, двести мало кого удивляли, а некоторые доживали и до трёхсот. Люди успевали увидеть, как взрослеют их правнуки, как на месте небольших поселений вырастают города, как рушатся могущественные династии и на престолы восходят новые правители.

В те далёкие времена магия была столь же привычна, как смена времён года.

Она встречалась среди знати и простолюдинов, в многолюдных городах и затерянных среди лесов деревнях. Одни умели призывать пламя, другие повелевали водой, третьи подчиняли себе ветер или заставляли землю менять очертания.

О былом могуществе свидетельствовали древние летописи, хранившиеся в королевских библиотеках. Правда, даже самые образованные учёные не могли с уверенностью сказать, где в этих записях заканчивалась история и начиналась легенда.

Века сменяли друг друга, и мир постепенно утрачивал прежнюю силу.

Человеческая жизнь становилась короче, магический дар встречался всё реже. Великие волшебники уходили в небытие, унося с собой знания, которые некому было передать. Их потомки рождались уже без способностей, некогда прославивших целые роды.

Никто не знал, почему это произошло. Одни искали объяснение в природе самой магии, другие — в изменениях человеческой крови. Споры продолжались столетиями, но ни одна из теорий так и не получила убедительного подтверждения.

К нынешним временам от прежнего мира осталось немногое.

Континент разделился на четыре независимых царства, каждое из которых носило имя одной из великих стихий.

На северо-западе располагалось Царство Воздуха, на северо-востоке — Царство Огня. Юго-западные земли принадлежали Царству Воды, а юго-восточные — Царству Земли.

У каждой державы были собственные законы, обычаи и правящая династия. В одном царстве почитали традиции предков и с подозрением относились к переменам, в другом охотнее принимали новые порядки. Однако различия не мешали соседям поддерживать дипломатические и торговые отношения.

Купеческие караваны пересекали границы, корабли доставляли товары в далёкие порты, а послы регулярно появлялись при чужих дворах. Королевские семьи обменивались приглашениями на торжества, заключали соглашения и порой скрепляли дружбу брачными союзами.

Мир между царствами сохранялся, хотя интересы четырёх престолов далеко не всегда совпадали.

Особое место в жизни правящих династий занимала магия — последнее наследие древних времён.

Теперь она встречалась исключительно среди потомков королевских родов и подчинялась строгому закону наследования.

Магический дар передавался только по мужской линии, но проявлялся у женщин. Каждая дочь мужчины королевской магической крови обладала способностью повелевать стихией, тогда как сыновья обычно оставались лишь носителями дара. Изредка рождались мужчины, способные пользоваться собственной магией, но подобные случаи были исключительной редкостью.

Сама женщина передать дар детям не могла. Поэтому дети принцессы и мужчины, не принадлежавшего к магическому королевскому роду, рождались без способностей.

Ни титул, ни богатство, ни брак с монархом не могли изменить этого закона. Королева, происходившая из обычной аристократической семьи, оставалась столь же далека от магии, как любая другая женщина без соответствующей крови.

Впрочем, даже тем, кому посчастливилось родиться с даром, приходилось годами учиться им управлять.

Магия требовала сосредоточенности и физических сил. Продолжительное использование стихии истощало тело, а попытка превзойти собственные возможности могла закончиться полным изнеможением. Потому могущество определялось не только врождёнными способностями, но и опытом, знаниями и постоянными упражнениями.

При этом обучение во многом зависело от традиций королевского двора. Где-то юных принцесс поощряли совершенствовать свой дар, а где-то их воспитанию, придворным обязанностям и подготовке к будущему браку уделяли куда больше внимания.

За стенами замков жизнь шла своим чередом.

На рыночных площадях торговцы зазывали покупателей, в мастерских трудились ремесленники, в полях созревал урожай. По вечерам в тавернах собирались путешественники, моряки рассказывали о дальних берегах, а дети слушали истории о волшебниках древности.

Большинство жителей континента никогда не сталкивались с магией лично. Для них она оставалась частью королевской жизни, такой же далёкой, как церемонии при королевском дворе и споры о престолонаследии.

Люди давно научились полагаться на собственные руки, знания и мастерство. Они строили города, прокладывали дороги, возводили мосты и отправляли корабли через моря, не ожидая помощи от тех, кто умел повелевать стихиями.

И всё же память о прежних временах не исчезла.

Она жила в пожелтевших страницах летописей, в старинных преданиях и в самой крови четырёх королевских династий.

Огонь. Вода. Земля. Воздух.

Четыре стихии, некогда подвластные множеству людей, теперь определяли могущество немногих.

Таков был мир, в котором начиналась эта история.

Глава 1

Над ночным Мордином расцвёл золотой фейерверк.На мгновение его сияние озарило крыши домов, высокие шпили и мощёные улицы столицы. Следом вспыхнули ещё несколько огней — алые, синие, изумрудные. Они рассыпались сотнями искр, оставляя после себя тонкие дымные следы, и исчезли в темноте под восторженные крики горожан.

Женевьева невольно улыбнулась.

Она сидела на широком каменном подоконнике, поджав под себя одну ногу и прислонившись плечом к оконной раме. Створки были распахнуты настежь, и тёплый вечерний воздух свободно проникал в её покои, принося с собой отдалённые звуки музыки, смех и едва различимый гул множества голосов.

Где-то внизу, за стенами замка, люди веселились вовсю.

Отсюда, с высоты королевского замка, Женевьева могла разглядеть часть главной городской площади. Между домами тянулись гирлянды разноцветных фонарей, вдоль улиц теснились торговые палатки, а в центре площади двигалась пёстрая толпа. Время от времени над головами горожан взлетали новые огни, и тогда принцесса замечала то музыкантов, собравшихся у фонтана, то танцующие пары, то детей, носившихся между взрослыми.

Она вздохнула и перевела взгляд на пяльцы, лежавшие у неё на коленях.

На натянутом полотне постепенно вырисовывался сад: цветущие яблони, узкая дорожка, небольшой пруд и белая беседка, почти скрытая среди розовых кустов. Работа была тонкая, кропотливая и, по мнению Женевьевы, совершенно не подходящая для такого вечера.

Она сделала несколько стежков голубой нитью, остановилась и нахмурилась.

Кажется, это место должно было быть зелёным.

Принцесса некоторое время разглядывала собственную ошибку, после чего решила, что пруд вполне может оказаться немного больше, чем предполагалось изначально.

И вновь посмотрела в окно.

Вышивание никогда не входило в число её любимых занятий. Она владела иглой достаточно хорошо, чтобы не вызывать недовольства наставниц, но искренне не понимала, какое удовольствие можно получать, часами подсчитывая крошечные крестики на полотне.

Сегодня, впрочем, у вышивки имелось совершенно иное назначение.

Пяльцы на коленях, аккуратно разложенные мотки ниток и выражение прилежной сосредоточенности создавали вполне убедительную картину благовоспитанной принцессы, мирно проводящей вечер в своих покоях.

Если бы заглянула матушка, она наверняка осталась бы довольна.

Корделия, конечно, могла заметить подвох. Сестра слишком хорошо знала Женевьеву, чтобы поверить в её внезапную любовь к рукоделию. Но даже Корделии было бы трудно придраться к столь безобидному занятию.

Особенно если Женевьева вовремя вспомнит, что иглу полагается держать в руке, а не оставлять воткнутой в подушечку рядом с собой.

Она поспешно взяла иглу.

Снаружи раздался новый залп, и принцесса тут же забыла о своём благоразумии.

На этот раз фейерверк оказался особенно красивым. Несколько серебристых огней взмыли высоко над городом, раскрылись огромными сияющими цветами и медленно осыпались, словно звёздный дождь.

Женевьева подалась вперёд, положив ладонь на холодный камень подоконника.

Какая красота! Ей хотелось, чтобы эти серебряные искры продержались в небе хоть немного дольше.

В ответ на очередную вспышку из города донёсся дружный восторженный крик.

До восемнадцатилетия королевских близнецов оставалось совсем немного времени, и Мордин уже вовсю готовился к празднествам.

По распоряжению короля Мориса для жителей столицы устроили несколько дней народных гуляний. На площадях выступали музыканты, торговцы предлагали всевозможные угощения, по вечерам зажигались праздничные огни. Город радовался предстоящему совершеннолетию двух принцесс, хотя сами виновницы торжества почти не принимали участия в происходящем.

Для них готовили совсем другое празднество.

В замке уже несколько недель шли приготовления к торжественному балу, назначенному на день восемнадцатилетия близнецов. Ожидались представители самых знатных семейств Царства Воды, а также гости из соседних держав. Портные заканчивали наряды, повара обсуждали праздничное меню, распорядители составляли списки приглашённых, а королева Элина лично следила за тем, чтобы ни одна мелочь не осталась без внимания.

Женевьева не сомневалась, что бал получится великолепным.

Она также не сомневалась, что к концу вечера у неё будут болеть ноги от танцев, а щёки — от необходимости улыбаться людям, половину которых она едва знала.

Впрочем, танцевать она любила.

И красивые платья тоже.

Просто сейчас ей гораздо больше хотелось оказаться там, внизу, среди горожан, где можно было смеяться во весь голос, покупать сладости у уличных торговцев и танцевать, не задумываясь о том, насколько достойно выглядит со стороны дочь короля.

Она наблюдала, как по площади пробежала стайка детей с бумажными фонариками. За ними, размахивая руками, спешила женщина, явно пытавшаяся собрать разбежавшееся семейство.

Женевьева рассмеялась.

Потом опустила взгляд на собственные руки.

Тонкие пальцы всё ещё сжимали иглу с голубой нитью. На запястье поблёскивал изящный серебряный браслет, украшенный небольшими сапфирами. Свет свечей отражался в камнях, заставляя их мерцать, словно капли воды.

Её длинные светло-золотистые волосы свободно спадали на плечи и спину мягкими волнами. Несколько прядей выбились вперёд и теперь щекотали щёку, когда она поворачивала голову к окну. Женевьева нетерпеливо убрала их за ухо, открыв тонкие черты лица и большие голубые глаза, в которых ещё отражались огни недавнего фейерверка.

В этот вечер на ней было одно из любимых платьев — жемчужно-белое, с едва заметным серебристо-голубым отливом. Плотно прилегающий лиф украшала искусная вышивка, напоминавшая мелкую рыбью чешую, а лёгкая юбка мягкими складками ниспадала до пола. Ткань была настолько тонкой, что при каждом движении казалась почти невесомой.

Женевьева любила это платье не только за красоту. В нём было удивительно удобно, особенно если хотелось забраться с ногами на подоконник, не опасаясь, что тугой корсаж помешает дышать.

Хотя матушка, несомненно, нашла бы немало замечаний к тому, как именно её дочь распоряжается столь дорогим нарядом.

Принцесса осторожно подтянула подол, чтобы тот не касался каменного выступа.

Через несколько дней ей и Корделии должно было исполниться восемнадцать, однако иногда она чувствовала себя так, словно всё ещё оставалась маленькой девочкой, которой полагалось спрашивать разрешения даже на то, чтобы выйти в сад после ужина.

Она любила своих родителей. И прекрасно понимала, что строгость отца и постоянные наставления матери продиктованы заботой. В конце концов, она была принцессой Царства Воды, а значит, её поведение неизменно привлекало внимание окружающих.

Но от понимания легче не становилось.

За окном снова заиграла музыка. На этот раз мелодия была быстрой и весёлой; даже сквозь расстояние Женевьева различала звонкие звуки струн и размеренный стук барабана.

Она невольно начала покачивать ногой в такт.

Потом посмотрела на вышивку.

Несчастный сад за весь вечер почти не изменился.

Женевьева задумчиво поднесла иглу к полотну, сделала ещё один крестик и тут же отложила работу.

В конце концов, никто не требовал, чтобы она закончила картину именно сегодня.

Она устроилась поудобнее, прислонилась затылком к оконной раме и снова устремила взгляд на праздничный город.

Внизу продолжалась жизнь, яркая, шумная и совершенно не похожая на размеренное существование за стенами замка.

А Женевьева могла лишь наблюдать за ней из своего окна.

Тихий стук в дверь заставил её вздрогнуть.

Она мгновенно выпрямилась, поспешно подобрала подол платья и схватила оставленные на коленях пяльцы. Игла едва не выскользнула из пальцев, но принцесса успела поймать её прежде, чем та упала на пол.

Кто бы ни стоял за дверью, он должен был застать её за достойным занятием.

Женевьева опустила голову, изобразила на лице сосредоточенность и даже сделала один стежок. Лишь после этого, убедившись, что выглядит достаточно благопристойно, произнесла ровным, учтивым голосом:

— Войдите.

Дверь открылась, и на пороге появилась Марта.

Её густые медно-рыжие волосы, собранные у висков и свободно ниспадавшие на плечи, особенно ярко смотрелись в тёплом свете свечей. Мелкие веснушки покрывали переносицу и щёки, а большие карие глаза смотрели с тем живым любопытством, которое Женевьева знала с детства. На девушке было тёмно-синее платье с узорной отделкой и небольшим сапфировым кулоном на груди.

Марта была ровесницей принцессы, происходила из знатной семьи Царства Воды и состояла при ней фрейлиной. Впрочем, для Женевьевы она уже давно была прежде всего подругой.

Марта прикрыла за собой дверь и остановилась, заметив пяльцы в руках принцессы. Её взгляд скользнул от вышивки к распахнутому окну, затем вернулся к лицу Женевьевы.

Уголки её губ дрогнули.

Женевьева продолжала невозмутимо вышивать, хотя теперь уже не сомневалась, что держит иглу не с той стороны полотна.

Марта приподняла бровь.

Пожалуй, из всех людей в замке именно её было труднее всего обмануть подобным представлением.

— Можешь не притворяться, — усмехнулась Марта. — Я прекрасно знаю, как сильно ты любишь вышивать.

Женевьева взглянула на подругу, затем на пяльцы. Действительно, кого она пыталась обмануть?

— А я ведь почти закончила, — с сожалением произнесла она, откладывая вышивку.

Марта окинула взглядом полотно.

— Судя по всему, лет через десять.

— Ты сегодня особенно любезна.

— Всегда к твоим услугам, Ваше Высочество.

Женевьева рассмеялась и снова повернулась к окну. Над городом вспыхнул очередной фейерверк.

— Посмотри, как там красиво! А мы сидим в замке.

Марта подошла ближе и выглянула наружу.

— Зато у нас прекрасный вид.

— Предпочла бы вид снизу.

— Даже не сомневаюсь.

В голосе Марты прозвучало столько понимания, что Женевьева обернулась к ней с улыбкой.

Марта уже собиралась отойти от окна, когда вдруг остановилась. На её лице появилось задумчивое выражение, которое Женевьева знала слишком хорошо.

— Кстати, — протянула Марта как бы между прочим, — ты ведь слышала, что Его Величество по случаю праздника отпустил большую часть прислуги и стражи на гулянья?

— Слышала, — ответила Женевьева, пока не понимая, к чему та клонит.

— Значит, сегодня в замке необычайно тихо. И людей гораздо меньше, чем обычно.

Марта произнесла это с таким невинным видом, что Женевьева невольно прищурилась.

Несколько мгновений она пристально смотрела на подругу. Затем её взгляд скользнул к распахнутому окну, за которым продолжал веселиться Мордин.

Когда Женевьева снова повернулась к Марте, на её губах уже играла улыбка.

Та ответила ей точно такой же.

***

Служебные коридоры замка заметно отличались от тех, по которым привыкли ходить его знатные обитатели. Здесь не было ни дорогих гобеленов, ни мраморных статуй, ни высоких окон с цветными стёклами. Узкие проходы освещались редкими настенными светильниками, а каменные ступени за долгие годы стёрлись посередине от бесчисленных шагов прислуги.

Марта осторожно выглянула из-за угла, убедилась, что путь свободен, и жестом подозвала Женевьеву.

Обе девушки уже успели сменить наряды. Вместо любимого жемчужного платья на Женевьеве теперь были простая светлая блуза, коричневый корсаж и длинная юбка, а волосы скрывал капюшон кремового плаща. Марта выбрала тёмно-синий плащ, под которым её рыжие локоны почти не были видны.

В таком виде их вполне можно было принять за молодых служанок, спешащих по своим делам.

Особенно если не присматриваться.

Марта первой направилась к лестнице, но внезапно остановилась, услышав приближающиеся шаги. Она тут же схватила Женевьеву за руку и увлекла в небольшую нишу за тяжёлым деревянным шкафом.

Мимо прошёл пожилой слуга с охапкой чистого белья. Он негромко насвистывал какую-то мелодию и даже не повернул головы в их сторону.

Когда шаги стихли, Марта выглянула из укрытия.

— А ты говорила, что всех отпустили, — прошептала Женевьева.

— Почти всех, — напомнила Марта. — Идём.

Они проделывали этот путь далеко не впервые. Марта прекрасно знала, где обычно можно встретить прислугу, какие проходы оставались пустыми по вечерам и когда удобнее всего пересечь нижний этаж. Женевьева помнила каждую скрипучую ступеньку и каждый поворот, но охотно уступала подруге право идти первой.

Если их кто-нибудь заметит, присутствие фрейлины в служебной части замка вряд ли вызовет особое удивление. А вот принцессе пришлось бы объяснять, почему она разгуливает здесь в одежде простой горожанки.

На нижнем этаже пахло свежим хлебом, горячим воском и влажным камнем. Откуда-то издалека доносился звон посуды, но большая часть служебных помещений действительно пустовала.

Марта уверенно свернула в узкий проход и остановилась перед небольшой деревянной дверью. Осторожно приподняв щеколду, она потянула створку на себя.

Петли тихонько скрипнули.

— Каждый раз, — прошептала Женевьева.

— Можешь пожаловаться управляющему.

— Непременно. И подробно объясню, откуда мне это известно.

Марта едва заметно улыбнулась и придержала дверь, пропуская подругу.

За ней находилась хозяйственная часть замкового сада. В отличие от ухоженных аллей с фонтанами, мраморными скамьями и аккуратно подстриженными кустарниками, здесь всё было устроено исключительно ради удобства садовников.

Вдоль каменной стены стояли деревянные ящики с землёй, глиняные горшки и большие бочки для дождевой воды. Под навесом хранились лопаты, грабли и садовые ножницы, а возле низкого сарая громоздились мешки с удобрениями. Узкая дорожка, местами заросшая травой, вела между хозяйственными постройками к дальней стене замка.

Здесь пахло сырой землёй, травами и ночной прохладой.

Марта задержалась у двери, прислушиваясь. Убедившись, что поблизости никого нет, она направилась вдоль стены, держась в тени разросшихся кустов. Женевьева последовала за ней.

Из-за замковой стены доносилась музыка. Теперь она звучала гораздо отчётливее, чем из окна покоев принцессы. Слышались удары барабанов, весёлые голоса и чей-то громкий смех.

Женевьева невольно ускорила шаг и едва не обогнала подругу.

— Не торопись, Ваше Высочество, — шепнула Марта. — Мы ещё не вышли.

— А ты слишком медленно идёшь.

— Могу вернуться.

— Даже не думай.

Марта усмехнулась.

Они обогнули сарай и приблизились к небольшой калитке, которой пользовались садовники и слуги, когда отправлялись в город за припасами.

Марта осторожно отодвинула засов и приоткрыла тяжёлую деревянную створку. Выглянув наружу, она осмотрела узкую улицу, спускавшуюся от замка к жилым кварталам Мордина.

Никого.

Она первой проскользнула за калитку и знаком велела Женевьеве следовать за ней.

Принцесса поправила капюшон, скрывая светлые волосы, и вышла наружу. Марта тихо притворила калитку за их спинами.

Впереди, за поворотом улицы, сияли праздничные огни Мордина.

***

Тяжёлая дубовая дверь распахнулась, выпустив на улицу волну горячего воздуха, пропитанного запахами жареного мяса, свежего хлеба и разлитого пива.

Женевьева и Марта, держась под руки, переступили порог таверны.

Внутри царил настоящий бедлам.

Просторный зал был полон народу. За длинными деревянными столами сидели шумные компании, над головами которых то и дело взлетали кружки с пенным пивом. Кто-то громко спорил, перекрикивая соседей, кто-то хохотал так заразительно, что к нему присоединялись даже незнакомцы. Между столами сновали разносчицы с подносами, ловко уворачиваясь от посетителей, которым выпитое уже заметно мешало держаться прямо.

У дальней стены расположились музыканты. Скрипач с растрёпанными волосами выводил бойкую мелодию, рядом с ним крепкий мужчина отбивал ритм на барабане, а третий музы-

кант так увлечённо перебирал струны лютни, что, казалось, совершенно не замечал происходящего вокруг.

Посреди зала несколько пар отплясывали под музыку. Один из танцоров, краснолицый мужчина с расстёгнутым воротом рубахи, попытался особенно ловко развернуть свою спутницу, но сам потерял равновесие и едва не опрокинул соседний стол. Раздался возмущённый крик, за которым последовал дружный хохот.

Женевьева невольно улыбнулась.

Она хорошо помнила эту таверну. Здесь всегда было шумно, весело и немного тесно, а хозяин славился щедрыми порциями и удивительной способностью сохранять невозмутимость даже тогда, когда посетители затевали драку.

Правда, в последний раз она бывала здесь несколько месяцев назад.

Женевьева старалась не посещать одни и те же заведения слишком часто. В тавернах она вообще появлялась не так уж регулярно, а если выбиралась в город, то предпочитала менять места. Постоянных посетителей быстро начинали узнавать, особенно молодых девушек, приходивших без сопровождения мужчин. А ей совершенно не хотелось, чтобы кто-нибудь однажды присмотрелся к её лицу повнимательнее.

Пока эта осторожность себя оправдывала.

Марта слегка сжала её руку, привлекая внимание, и кивнула в сторону свободного места у одного из столов.

Женевьева согласно улыбнулась.

Подруги двинулись через зал, лавируя между посетителями. Приходилось то обходить вытянутые ноги, то пропускать разносчицу с полным подносом, то останавливаться, пока очередная танцующая пара не освободит дорогу.

Марта едва успела отдёрнуть край плаща, когда мимо пошатнулся подвыпивший мужчина с кружкой в руке. Тот пробормотал что-то невнятное и, не заметив девушек, продолжил свой путь.

Женевьева улыбнулась и уже собиралась последовать за подругой, когда, окинув взглядом зал, неожиданно заметила молодого мужчину за одним из столов в противоположной его части.

Он был необыкновенно хорош собой.

Густые тёмные волосы, выразительные брови, правильные черты лица и чуть насмешливый изгиб губ. Одет он был просто, в тёмную рубаху и чёрный камзол без каких-либо знаков отличия, однако в его осанке и непринуждённой уверенности чувствовалось нечто, плохо сочетавшееся с обликом обычного посетителя таверны.

Женевьева задержала на нём взгляд чуть дольше, чем собиралась.

Впрочем, какое ей дело до красивых незнакомцев?

Особенно до тех, кто столь явно наслаждался женским обществом.

На коленях у мужчины устроилась молодая шатенка с густыми волнистыми волосами. Её ярко-красное хлопковое платье оставляло открытыми плечи и руки, а глубокий вырез почти не скрывал грудь. Девушка смеялась, запрокинув голову, пока незнакомец что-то говорил ей на ухо. Она игриво провела пальцами по его плечу, а он, судя по довольной улыбке, вовсе не возражал против подобной близости.

Женевьеве не требовалось особой проницательности, чтобы догадаться, каким образом эта девушка зарабатывала себе на жизнь.

Но куда неприятнее ей показалось поведение самого мужчины. Он выглядел совершенно довольным собой, открыто заигрывая со своей спутницей посреди переполненной таверны.

Что ж, внешность бывает обманчива.

Женевьева отвернулась, мысленно вычеркнув незнакомца из числа людей, заслуживающих её внимания.

— Сюда, — негромко позвала Марта.

Она уже остановилась возле свободного стола неподалёку от стойки, за которой хозяин таверны разливал пиво и принимал заказы.

Женевьева подошла к подруге, поправила капюшон и устроилась на деревянной скамье. Марта села напротив, незаметно убирая выбившуюся из-под капюшона рыжую прядь.

Музыка продолжала греметь, вокруг звенели кружки и раздавался смех.

Женевьева больше не смотрела в сторону темноволосого незнакомца.

Не успели девушки устроиться за столом, как к ним подошла разносчица — полная румяная женщина с закатанными рукавами и передником, испачканным мукой.

— Чего желаете?

— Два светлых эля, — ответила Марта, заглянув в сторону кухни. — А что у вас сегодня горячего?

— Сегодня свежая морская рыба, жаренная с солью и чёрным перцем. К ней подаём лепёшки и масло.

— Отлично, — оживилась Женевьева. — Нам две порции.

— Одну большую на двоих, — поправила Марта. — А то опять половину оставим.

Женевьева хотела возразить, но, вспомнив их прошлый визит в другую таверну, промолчала.

Разносчица кивнула и скрылась в толпе.

— Ты хоть деньги взяла? — спросила Марта, когда женщина отошла.

Женевьева выразительно посмотрела на неё.

— Взяла.

— Точно?

— Хочешь пересчитать?

— Нет, просто уточняю. В прошлый раз ты тоже была уверена.

— Марта, это было полгода назад!

— И я до сих пор помню лицо того трактирщика.

Женевьева прикрыла рот ладонью, сдерживая смех. Тогда им действительно пришлось несладко, хотя теперь вся история казалась ужасно забавной.

Вскоре на столе появились две деревянные кружки с прохладным элем, большая тарелка мелкой морской рыбы, поджаренной до золотистой корочки, и несколько горячих ржаных лепёшек. Рядом разносчица поставила мисочку солёного масла.

— Вот это я понимаю, — довольно произнесла Марта, придвигая к себе тарелку.

Женевьева взяла кружку.

— За сегодняшний вечер?

— За то, что мы наконец выбрались.

Они слегка стукнули кружками и сделали по глотку.

Эль был свежим, с приятной хлебной горчинкой. Женевьева отломила кусочек лепёшки, намазала его маслом и потянулась за рыбой. Та оказалась такой горячей, что ей пришлось поспешно положить её обратно.

Марта заметила это и улыбнулась.

— Не терпится?

— Я голодная.

— Ты ужинала два часа назад.

— И что?

— Ничего. Просто удивляюсь.

Женевьева дождалась, пока рыба немного остынет, и попробовала снова. Под тонкой хрустящей корочкой скрывалась нежная, сочная мякоть. Рыбу приправили лишь солью и щепот-

кой перца — здесь считали, что свежий улов не нуждается в пряностях, которые перебивают его собственный вкус.

— Очень вкусно, — признала она.

— А я тебе говорила, что здесь хорошо готовят.

— Ты говорила, что здесь хорошо наливают.

— Одно другому не мешает.

Женевьева рассмеялась.

Музыканты тем временем сменили мелодию, и в центре зала начались новые танцы. Несколько мужчин, уже изрядно захмелевших, пытались повторять движения более ловких танцоров, вызывая дружный хохот окружающих. Один из них так старательно выделывал ногами замысловатые па, что едва не лишился сапога.

Марта первой заметила это и толкнула подругу локтем.

— Смотри!

Женевьева обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как несчастный танцор всё-таки потерял сапог. Тот пролетел несколько шагов и приземлился под чужим столом.

Обе девушки расхохотались.

— Надеюсь, он хотя бы найдёт его к утру, — заметила Женевьева.

— Сомневаюсь, что утром он вообще вспомнит, где оставил ноги.

Женевьева снова рассмеялась и отпила эля.

В таверне становилось всё шумнее. Воздух был густым от запахов жареной рыбы, хлеба и пролитого пива, музыканты играли без передышки, а посетители то и дело поднимали кружки, провозглашая очередной тост.

Подруги ели, переговаривались и наблюдали за весельем, временами наклоняясь друг к другу, чтобы расслышать слова сквозь музыку.

Женевьева поправила край капюшона и устроилась поудобнее. Впервые за весь вечер ей совершенно не хотелось оказаться где-нибудь ещё.

К тому времени, как от рыбы остались лишь косточки, а эль в кружках заметно убавился, музыканты заиграли новую мелодию. Скрипач вскочил со скамьи, подхватил быстрый ритм барабана, и по таверне прокатился одобрительный гул.

Марта, доедавшая последний кусочек лепёшки, подняла голову.

— Пойдём танцевать.

Женевьева посмотрела на неё поверх кружки.

— Прямо сейчас?

— Нет, завтра утром. Конечно, сейчас!

— Мы только поели.

— Вот и разомнёмся.

Не дожидаясь ответа, Марта поднялась и протянула ей руку. Женевьева со смехом поставила кружку на стол.

— Ты ведь не отстанешь?

— Даже не надейся.

Прихватив подол юбки, Женевьева выбралась из-за стола. Обе поправили капюшоны и направились туда, где между сдвинутыми скамьями уже собралась пёстрая толпа.

Танцевали здесь совсем не так, как на придворных празднествах. Никто не следил за безупречностью движений и не ждал приглашения от подходящего кавалера. Мужчины и женщины брались за руки, кружились, менялись местами, сбивались с шага и тут же подхватывали ритм снова.

Марта первой протиснулась в круг танцующих, потянув Женевьеву за собой.

Они успели сделать всего несколько шагов, когда пожилая женщина в зелёном платье ухватила Марту за свободную руку, а высокий бородатый мужчина — Женевьеву. Под весёлые выкрики музыканты ускорили темп, и круг закружился.

Женевьева едва успевала переставлять ноги. Её сосед оказался куда проворнее, чем можно было предположить по его внушительному животу, и всякий раз, когда танцующие менялись местами, он громогласно подбадривал остальных.

— Живее, живее! Не на похоронах!

Марта, оказавшаяся напротив, скорчила подруге смешную рожицу.

Женевьева рассмеялась — и тут же чуть не пропустила следующий шаг.

Через несколько мгновений круг распался на пары. Марта ловко перехватила её за обе руки, и они закружились так быстро, что окружающие превратились в мелькание цветных платьев, лиц и огоньков свечей.

— Медленнее! — выдохнула Женевьева.

— Ты сама меня тянешь!

— Потому что ты падаешь!

— Неправда!

Они остановились, пошатываясь от смеха, и едва не налетели на проходившего мимо мужчину.

Тот нёс две полные кружки и, пытаясь увернуться, резко вскинул руку. Эль выплеснулся через край, окатив рукав стоявшего рядом толстяка в коричневом жилете.

— Эй! — возмутился пострадавший, отскакивая. — Ты что творишь?!

Мужчина с кружками замер, уставившись на мокрое пятно.

— Прости, дружище! Не нарочно!

— Да ты мне весь рукав залил!

— Зато второй сухой!

Кто-то поблизости расхохотался. Толстяк сердито оглядел собравшихся, но и сам не удержался от улыбки.

— Смотри у меня. Следующий раз за твой счёт пью!

— Да хоть сейчас!

Они тут же направились к стойке, продолжая громко препираться, а Женевьева с Мартой поспешили отойти подальше от размахивающих кружек.

— Кажется, всё обошлось, — сказала Женевьева, проводив мужчин взглядом.

— Кроме рукава.

— Думаю, его владелец уже нашёл утешение.

Марта усмехнулась и снова потянула подругу за руку.

Музыка не умолкала. Скрипка взлетала всё выше, барабан задавал такой ритм, что ноги сами просились в пляс. Женевьева подхватила движение соседней пары, сделала поворот и чуть не столкнулась с молодой женщиной, которая танцевала, держа за руку смеющегося мальчишку.

— Простите! — крикнула она.

— Ничего, милая! — отозвалась та. — Только ноги береги!

Женевьева улыбнулась ей и поспешила вслед за Мартой.

В какой-то момент рядом оказался подвыпивший парень, который с чрезвычайно серьёзным видом пытался повторить шаги остальных. Он старательно подпрыгнул, перепутал ноги и тяжело опустился на скамью под дружный хохот приятелей.

— Я так и хотел! — объявил он, поднимая палец.

— Конечно! — отозвался кто-то. — Скамья сама под тебя подбежала!

Марта согнулась от смеха, ухватившись за локоть Женевьевы.

— Осторожнее, — предупредила та, тоже смеясь. — А то следующим номером будешь ты.

— Тогда хоть скамью подвинь поближе.

Постепенно танец становился всё быстрее. Подол юбки путался у Женевьевы в ногах, щёки разгорелись, а под капюшоном сделалось жарко. Она уже несколько раз порывалась откинуть его, но вовремя вспоминала, где находится, и лишь поправляла ткань, надёжнее скрывая волосы.

Марта тоже не снимала капюшона, хотя выбившиеся у висков рыжие пряди успели прилипнуть к влажной коже.

— Жарко! — пожаловалась она, наклоняясь к уху подруги.

— Ещё бы! Ты носишься как сумасшедшая!

— А ты от меня не отстаёшь!

Это была правда.

Женевьева давно не веселилась так беззаботно. В замке каждый танец требовал внимания к партнёру, правильных поклонов и соблюдения бесчисленных приличий. Здесь же она могла смеяться во весь голос, ошибаться в движениях и танцевать с собственной подругой, не опасаясь ничьего неодобрения.

Вокруг пахло элем, горячей едой и разгорячёнными телами. Кто-то громко подпевал музыкантам, совершенно не попадая в ноты. У стойки раздался звон разбившейся посуды, за которым последовали недовольный окрик разносчицы и виноватый смех.

Марта, всё ещё держа Женевьеву за руку, попыталась повторить особенно лихой поворот одной из танцовщиц.

Получилось не слишком изящно.

Женевьева споткнулась, налетела на подругу, и обе едва удержались на ногах.

— Всё! — выдохнула она сквозь смех. — Ещё немного, и мы точно кого-нибудь покалечим.

— Себя, скорее всего.

Они выбрались из танцующей толпы и направились обратно к своему столику. Женевьева опустилась на скамью с таким облегчением, словно только что преодолела пешком половину Мордина.

Марта плюхнулась напротив и, не говоря ни слова, потянулась к оставшейся кружке эля.

Несколько мгновений обе молчали, пытаясь отдышаться.

— У меня ноги отваливаются, — наконец призналась Марта.

— А у меня, кажется, уже отвалились.

Марта рассмеялась, но тут же схватилась за бок.

— Не смеши меня. Больно!

Это, разумеется, лишь сильнее развеселило Женевьеву.

Она сделала глоток эля и откинулась на спинку скамьи, чувствуя, как постепенно успокаивается дыхание. Щёки всё ещё горели, сердце билось быстро, а ноги приятно гудели от танцев.

Марта поправила съехавший капюшон и с довольным видом оглядела зал.

Женевьева посмотрела на подругу и улыбнулась.

— Спасибо тебе, Марта. За то, что вытащила меня сегодня. И за то, что снова поддержала, хотя прекрасно знала, чем мы рискуем.

Она на мгновение замолчала, а потом добавила с теплотой:

— Не представляю, что бы я без тебя делала. Мне очень повезло с подругой.

— Да брось. Ты бы всё равно не усидела у окна.

— Возможно, — согласилась Женевьева. — Но одной было бы совсем не так весело.

Марта улыбнулась и слегка приподняла кружку.

— Тогда за нас.

Женевьева стукнула своей кружкой о её.

— За нас.

Они выпили, обменялись довольными взглядами и снова рассмеялись, вспомнив незадачливого танцора, потерявшего равновесие.

Вокруг по-прежнему гремела музыка, люди танцевали и шумно переговаривались, а за окнами таверны продолжался праздник.

Разгорячённая танцами, уставшая, но совершенно счастливая, Женевьева допивала остатки эля, когда возле их стола остановился молодой мужчина.

— Добрый вечер, дамы.

Она подняла глаза.

Незнакомец был высок и широк в плечах, с короткими, слегка растрёпанными светло-русыми волосами и открытым, располагающим лицом. Тёмный плащ, скреплённый у плеча простой застёжкой, скрывал большую часть его одежды. Улыбался он так непринуждённо, словно они были знакомы уже много лет, а в уголках его глаз при этом собирались весёлые морщинки.

— Не мог не заметить, как прекрасно вы танцуете, — продолжил он. — И как прекрасно выглядите, даже после стольких танцев.

Марта улыбнулась.

— Благодарим вас.

— Хотя насчёт танцев вы, пожалуй, преувеличиваете, — добавила Женевьева. — Мы едва не сбили с ног половину таверны.

— Значит, мне повезло, что я наблюдал издалека.

Марта тихо рассмеялась.

— А с кем имеем честь разговаривать?

— Всего лишь с путником, — ответил он с лёгким поклоном. — Мы с другом путешествуем и решили задержаться здесь на несколько дней. Судя по всему, выбрали удачное время.

— В Мордине сейчас трудно найти скучное место, — заметила Марта.

— Я уже начинаю в этом убеждаться.

Он перевёл на неё взгляд, явно собираясь что-то добавить, но за его спиной раздался мужской голос:

— Томас, я оставил тебя одного на несколько минут. И ты уже докучаешь незнакомым девушкам?

Женевьева посмотрела поверх плеча светловолосого мужчины — и узнала того самого незнакомца, которого заметила раньше в другой части таверны.

Тёмные волосы, выразительные черты лица, насмешливая улыбка. Вблизи он оказался ещё привлекательнее, чем ей показалось издалека, что лишь усилило её досаду.

Теперь он стоял рядом с их столом, небрежно засунув большие пальцы за пояс. От прежней спутницы в красном платье не осталось и следа.

— Докучаю? — Томас обернулся к нему с искренним возмущением. — Я всего лишь завёл приятную беседу.

— Разумеется. А они слишком воспитанны, чтобы попросить тебя уйти.

— Вот сейчас и выясним.

Томас повернулся к Марте.

— Скажите, я вам докучаю?

— Вовсе нет, — ответила она, с трудом сдерживая улыбку.

— Слышал? — торжествующе произнёс Томас.

— Я слышал, что она очень любезна.

Марта рассмеялась, а Женевьева невольно улыбнулась, наблюдая за их перепалкой. Судя по тому, как свободно мужчины обменивались колкостями, они действительно давно знали друг друга.

— Не обращайте на него внимания, — сказал Томас, снова повернувшись к девушкам. — Он всегда такой.

— Какой? — поинтересовался темноволосый.

— Завидует моему обаянию.

— Особенно твоей скромности.

Томас лишь отмахнулся.

— В таком случае, — произнёс он, обращаясь к Марте, — позволите пригласить вас на танец?

Марта взглянула на Женевьеву. Та едва заметно улыбнулась ей в ответ.

— С удовольствием, — сказала Марта.

Томас просиял и протянул ей руку.

— Тогда не будем терять времени, пока музыканты не решили отдохнуть.

Марта поднялась из-за стола, придерживая капюшон, и вложила ладонь в его руку. Томас осторожно помог ей обойти скамью, после чего они направились к танцующим.

Женевьева проводила подругу взглядом.

И только когда Марта с новым знакомым скрылись среди посетителей, она вспомнила, что за столом остался ещё один незнакомец.

— Должен признать, мой друг совершенно прав.

Женевьева перевела взгляд на темноволосого незнакомца.

— В чём же?

— Вы обе прекрасно выглядите. Хотя, если позволите, вы особенно.

Он произнёс это с такой непринуждённой уверенностью, словно не сомневался, что комплимент будет принят благосклонно.

Не дожидаясь приглашения, мужчина опустился на скамью напротив неё, чуть подавшись вперёд, чтобы лучше слышать сквозь шум таверны.

Вблизи Женевьева смогла разглядеть его глаза — тёмно-карие, почти чёрные в приглушённом свете таверны. Он улыбался, и эта улыбка, несомненно, должна была производить впечатление.

На кого-нибудь другого.

— Как любезно с вашей стороны, — отозвалась она.

Незнакомец слегка склонил голову.

— Всего лишь говорю то, что думаю.

— Неужели? — Женевьева приподняла бровь. — И часто вы так думаете?

Он усмехнулся.

— Простите?

— Что каждая встреченная вами девушка необыкновенно хороша собой. Или это особенность сегодняшнего вечера?

На мгновение мужчина замолчал, а затем рассмеялся. Не обиженно и не натянуто — напротив, казалось, её замечание его искренне позабавило.

— Что ж, вы меня поймали.

— Вот как?

— Признаю, иногда я бываю слишком щедр на комплименты. Но сейчас совершенно искренен.

Женевьева сделала небольшой глоток эля, скрывая усмешку за краем кружки.

Разумеется.

— И всё же, — продолжил он, — мне кажется несправедливым, что мой друг уже наслаждается танцем, а я вынужден сидеть здесь.

— Вас кто-то заставляет?

Он снова улыбнулся, на этот раз шире.

— Вы весьма жестоки к незнакомцам.

— Только к тем, кто жалуется на собственное общество.

Незнакомец покачал головой, явно наслаждаясь разговором.

— Тогда позвольте исправить положение. Вы окажете мне честь, согласившись на танец?

Женевьева посмотрела на протянутую им руку.

Перед глазами невольно возникла шатенка в красном платье, сидевшая у него на коленях. Её громкий смех, обнажённые плечи, довольная улыбка самого мужчины.

И вот теперь он сидел напротив Женевьевы, предлагая ей танцевать с тем же непринуждённым обаянием.

Она медленно поставила кружку на стол.

— Боюсь, я не знаю, насколько длинная очередь к вам сегодня выстроилась.

Улыбка незнакомца на мгновение застыла.

Женевьева поднялась, аккуратно придерживая капюшон.

— Не хотелось бы занимать чужое место.

Не дожидаясь ответа, она обошла скамью и направилась прочь.

За спиной раздался короткий смешок, но Женевьева даже не обернулась.

Пробираясь между столами, она искала глазами Марту. Музыканты всё ещё играли, хотя теперь мелодия стала медленнее. Танцующих поубавилось, и отыскать знакомый тёмно-синий плащ оказалось несложно.

Марта стояла неподалёку от музыкантов, обнимая Томаса за шею. Тот держал её за талию, и, судя по всему, танец давно перестал занимать их обоих.

В следующую секунду он наклонился и поцеловал её.

Женевьева невольно остановилась.

Вот это скорость.

Она уже собиралась подойти, когда Марта, чуть отстранившись от Томаса, случайно посмотрела в её сторону.

Женевьева поймала её взгляд и выразительно кивнула в сторону выхода.

Марта нахмурилась, словно спрашивая, что случилось.

Женевьева лишь покачала головой и снова указала взглядом на дверь.

Подруга поняла. Она коротко кивнула, затем подняла указательный палец, беззвучно обещая подойти через минуту.

Женевьева ответила ей улыбкой.

Ну конечно. Куда же без прощания.

Она оставила Марту объясняться с новым знакомым и направилась к выходу.

Тяжёлая дубовая дверь поддалась не сразу. Женевьева толкнула её плечом и шагнула наружу.

После духоты таверны прохладный летний воздух показался настоящим спасением.

Она глубоко вдохнула.

Улица была залита мягким светом фонарей. Где-то дальше, ближе к главной площади, по-прежнему гремела музыка, доносились весёлые крики и смех. Над крышами домов время от времени вспыхивали отблески праздничных огней.

Здесь же, у таверны, было сравнительно спокойно. Несколько посетителей беседовали возле входа, а чуть поодаль пожилой мужчина пытался убедить своего нетрезвого приятеля, что тому давно пора домой.

Женевьева отошла от двери и остановилась у каменной стены соседнего дома, под небольшим навесом. Поправила капюшон, убрала выбившуюся светлую прядь и прислонилась плечом к прохладной кладке.

Ноги после танцев всё ещё приятно гудели.

Она улыбнулась, вспомнив, как Марта кружилась посреди зала, едва не сбивая окружающих с ног. А затем — как целовалась с Томасом.

Похоже, подруга сегодня веселилась даже лучше, чем рассчитывала.

Женевьева негромко усмехнулась и посмотрела на дверь таверны.

Оставалось дождаться Марту.

Дверь таверны открылась, и Женевьева обернулась, ожидая увидеть Марту.

Вместо неё на улицу вышел темноволосый незнакомец.

Заметив Женевьеву у стены, он улыбнулся и направился к ней.

Она едва заметно вздохнула.

— Что вам ещё нужно?

— Хотел узнать, чем заслужил такой поспешный отказ.

— Вы ради этого вышли?

— Признаться, задели моё самолюбие.

Он произнёс это с улыбкой, словно собственное уязвлённое самолюбие его немало забавляло.

— Какое несчастье, — заметила Женевьева.

— Не то слово. Теперь придётся весь вечер гадать, что я сделал не так.

— Не думаю, что вы долго будете скучать в одиночестве.

Он чуть склонил голову, присматриваясь к ней.

— Это намёк?

Женевьева на мгновение опешила. В его голосе слышалась такая откровенная насмешка, будто он решил, что она сама напрашивается на его внимание. От этой мысли ей стало неприятно.

— Вы слишком высокого о себе мнения.

— Возможно, — легко согласился он.

Его улыбка никуда не исчезла.

Женевьева раздражённо выдохнула.

— Знаете, я видела вас в таверне. С девушкой в красном платье. Так что можете оставить своё обаяние для неё. Судя по всему, она его оценила.

Незнакомец посмотрел на неё с неподдельным удивлением, а затем усмехнулся.

— Подождите. Так вы всё это время сердитесь из-за неё?

— Я не сержусь.

— Тогда почему мы о ней говорим?

— Потому что вы никак не можете понять, что я не заинтересована в вашем обществе.

Он ненадолго замолчал, а потом улыбнулся ещё шире.

— Мы даже не знакомы, а вы уже ревнуете.

Женевьева почувствовала, как к щекам приливает жар.

— Какая самонадеянность!

— Неужели я ошибся?

— Совершенно. Мне нет никакого дела до ваших любовных похождений.

— Что ж, рад это слышать.

Он произнёс это так невозмутимо, что Женевьеве захотелось немедленно закончить разговор.

— Прекрасно. Тогда мы друг друга поняли.

Она уже собиралась отвернуться, но незнакомец неожиданно заговорил снова:

— Эндрю.

Женевьева недоумённо посмотрела на него.

— Что?

— Меня зовут Эндрю.

Он чуть склонил голову.

— А вас?

— Зачем вам моё имя?

— Хотелось бы знать, с кем я разговариваю.

Прежде чем Женевьева успела ответить, он взял её за руку и слегка наклонился, собираясь поцеловать.

Его пальцы оказались тёплыми, прикосновение — неожиданно бережным. На одно короткое мгновение Женевьева растерялась. Ей даже захотелось позволить ему закончить этот жест.

Осознание собственной слабости разозлило её сильнее всего.

Она резко отдёрнула руку.

— Не нужно!

Эндрю сразу выпрямился.

— Простите.

Впервые за весь разговор его улыбка исчезла.

Женевьева спрятала руку под плащом. Ладонь всё ещё помнила тепло его пальцев, и это было совершенно некстати.

— Моё имя вам ни к чему, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Потому что это наша первая и последняя встреча.

Он посмотрел на неё, помолчал, а затем чуть пожал плечами.

— Как скажете.

В его голосе не было ни обиды, ни разочарования. И почему-то именно это окончательно вывело её из себя.

Женевьева демонстративно отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Дверь таверны открылась, и на пороге появилась Марта.

Она сразу заметила Женевьеву, но, увидев рядом с ней темноволосого мужчину, остановилась. Её взгляд быстро скользнул по лицу подруги.

— Всё в порядке?

— Да, всё отлично. — Женевьева поспешно подошла к ней и взяла под руку. — Пойдём, нам пора.

Марта ещё раз взглянула на незнакомца, но ничего не сказала.

Они уже направились прочь, когда он окликнул их:

— Надеюсь, ещё увидимся, красавица!

Женевьева никак не отреагировала. Она продолжала идти рядом с Мартой, даже не повернув головы.

Марта дождалась, пока они свернут за угол, и только тогда посмотрела на подругу.

— Что это сейчас было?

— Понятия не имею. Какой-то самовлюблённый болван.

— А мне показалось, вы мило беседовали.

— Тебе показалось.

Они вышли на соседнюю улицу, где было значительно тише. Праздничный шум остался позади, лишь изредка ветер доносил музыку с главной площади. В окнах домов горели свечи, на мостовой лежали длинные тени от фонарей.

Марта шла рядом, придерживая одной рукой капюшон.

— А он красивый, — заметила она спустя некоторое время.

Женевьева повернула к ней голову.

— И что?

— Ничего. Просто красивый.

— Это единственное его достоинство.

— Ты успела выяснить?

— Вполне.

Марта тихонько засмеялась.

— Чем он тебе так не понравился?

Женевьева вздохнула.

— Он решил, что может подойти к любой девушке, улыбнуться, наговорить ей комплиментов, и она тут же бросится ему на шею. Причём совершенно не стесняется этого.

— А ты, конечно, не бросилась.

— Ещё чего.

— Ну и правильно.

Женевьева с удивлением посмотрела на подругу.

— Ты со мной согласна?

— Конечно. Если он тебе не понравился, зачем с ним танцевать?

— Вот именно.

Марта помолчала, потом добавила:

— Хотя улыбка у него всё-таки красивая.

Женевьева не удержалась от смеха.

— Ты невозможна.

— Я просто заметила!

— Лучше бы ты заметила, что он полвечера обнимался с другой девушкой.

— Правда?

— Да. Прямо в зале, у всех на виду. А потом подошёл ко мне, будто ничего не произошло.

Марта задумчиво хмыкнула.

— Ну, вы ведь не женаты.

— Марта!

— Что? — Подруга рассмеялась. — Я же не говорю, что он тебе должен нравиться.

Женевьева покачала головой, но улыбка всё же тронула её губы.

Они миновали небольшой колодец на перекрёстке. У стены соседнего дома сидел полосатый кот, внимательно наблюдавший за двумя девушками. Марта присела, протянула к нему руку, но тот величественно отвернулся.

— Какой невоспитанный, — пробормотала она, выпрямляясь.

— Наверное, тоже ждёт, что ты оценишь его красивые глаза.

Марта фыркнула.

— Вот теперь ты сама его вспомнила.

Женевьева только отмахнулась.

Некоторое время они шли молча. Затем Женевьева искоса посмотрела на подругу.

— А у тебя, я смотрю, вечер прошёл гораздо интереснее.

— Почему?

— Я видела тебя с тем блондином.

Марта улыбнулась и опустила глаза.

— А-а.

— И это всё, что ты скажешь?

— А что ты хочешь услышать?

— Например, как получилось, что я оставила тебя танцевать с совершенно незнакомым мужчиной, а через несколько минут вы уже целовались?

Марта засмеялась.

— Не через несколько минут. Мы довольно долго танцевали.

— Ах, ну тогда всё понятно.

— Да перестань ты! — Она слегка толкнула Женевьеву локтем. — Он мне понравился.

— Это я заметила.

— Мы разговаривали, пока танцевали. Он очень приятный. И смешной.

— Что-нибудь ещё ты о нём узнала, кроме того, что он хорошо целуется?

Марта рассмеялась громче.

— Узнала. Его зовут Томас, ему двадцать два. Он служит в войске и приехал сюда с другом на несколько дней.

— С Эндрю?

— Кажется, да. Они давно дружат. Томас сказал, что вместе прошли подготовку и теперь служат в одном отряде.

— Значит, солдаты.

— Похоже на то.

Женевьева ненадолго задумалась. Впрочем, во время праздника в Мордин съезжалось множество людей, и появление двух молодых военных не было чем-то необычным.

— И о чём вы ещё говорили?

— Обо всём понемногу. О городе, о празднике. Он спросил, давно ли я живу в Мордине. Я сказала, что всю жизнь.

— И всё?

— Ну, я ещё рассказала ему про нашу ярмарку. Он хотел узнать, что стоит посмотреть, пока они здесь.

— Надеюсь, ты не предложила ему экскурсию по замку.

Марта взглянула на неё.

— Конечно нет. Я посоветовала ему сходить к набережной. И попробовать пироги с вишней на Рыночной улице.

— Очень полезные сведения.

— Между прочим, он записал бы их, если бы у него было на чём.

Женевьева улыбнулась.

— Он тебе действительно понравился.

Марта на этот раз не стала отшучиваться.

— Да. Знаешь, с ним было так легко. Мы почти не заметили, как прошло время.

Она немного помолчала.

— И он сказал, что хотел бы увидеть меня завтра.

— А ты?

— Я сказала, что, возможно, приду на площадь вечером.

— Собираешься?

Марта улыбнулась, немного смущённо, но вполне искренне.

— Да. Мне бы хотелось его ещё увидеть.

Женевьева посмотрела на подругу. Та всё ещё улыбалась, вспоминая, должно быть, недавний танец.

— Ну что ж, если тебе хочется, почему бы и нет? Только, Марта, пожалуйста, будь осторожна.

— Я буду.

— Я серьёзно. Ты ведь почти ничего о нём не знаешь.

— Знаю. — Марта взглянула на неё. — Не волнуйся, я не собираюсь терять голову из-за первого встречного.

Женевьева улыбнулась.

— После того, что я сегодня видела, позволю себе немного усомниться.

— Ну уж поцеловаться-то можно, — возразила Марта со смехом.

— Можно, — согласилась Женевьева. — Просто не забывай, что он пока совершенно чужой человек.

Марта мягко сжала её руку.

— Обещаю, я буду осторожна.

Они пошли дальше.

Впереди над крышами уже возвышались башни замка. Улицы постепенно пустели, и их шаги отчётливо звучали по каменной мостовой.

— Знаешь, — сказала Марта, — мне давно не было так весело.

Женевьева посмотрела на неё.

— Мне тоже.

Она говорила совершенно искренне. Даже неприятная встреча с Эндрю не могла испортить ей воспоминания о танцах, музыке и вечере, который они провели вдвоём.

— Только в следующий раз, — добавила Женевьева, — давай выберем другую таверну.

— Из-за него?

— Просто мне там не понравилось.

Марта улыбнулась, но спорить не стала.

Они пошли дальше, негромко обсуждая завтрашний праздник и прикидывая, сколько времени им понадобится, чтобы незаметно вернуться в свои комнаты.

***

Женевьева осторожно прикрыла за собой дверь, стараясь, чтобы тяжёлая ручка не звякнула о металлическую пластину замка.

Коридор остался позади.

С Мартой они расстались несколькими минутами раньше, у лестницы, ведущей к жилым покоям. Подруга хотела проводить её до самой двери, но Женевьева настояла, чтобы та шла отдыхать. После стольких танцев Марта едва держалась на ногах, хотя упорно это отрицала.

Теперь Женевьева наконец была у себя.

Она прислонилась спиной к двери и с облегчением выдохнула.

В комнате было приятно свежо. Оставленное приоткрытым окно впускало ночной воздух, пахнущий садовыми цветами и нагретым за день камнем. Тонкие занавеси едва заметно колыхались. На полу лежала бледная полоса лунного света.

Как же она устала!

Ноги ныли после танцев, под плащом было жарко, а несколько выбившихся из причёски прядей неприятно щекотали шею. И всё же Женевьева улыбалась.

Вечер удался.

Она вспомнила переполненную таверну, музыку, Марту, которая смеялась так заразительно, что сама Женевьева едва могла удержаться на ногах. Вспомнила, как они ели жареную рыбу прямо руками и пили эль, не заботясь о том, что кто-нибудь сочтёт их поведение неподобающим.

А ещё того несносного незнакомца.

Эндрю.

Женевьева едва заметно поморщилась.

Надо же было встретить такого самоуверенного типа. Впрочем, сейчас даже он казался лишь незначительной неприятностью посреди замечательного вечера.

Она потянулась к застёжке плаща.

И вдруг услышала тихий скрип.

Звук донёсся из глубины комнаты — такой, какой издаёт старое кресло, когда сидящий в нём человек меняет положение.

Женевьева замерла.

Медленно повернула голову.

У камина, в высоком кресле с резными подлокотниками, сидела Корделия.

На сестре было бирюзовое платье с тонкой золотистой вышивкой. Светлые волосы аккуратно обрамляли лицо, несколько прядей свободно спадали на плечи. На коленях лежала раскрытая книга, которую Корделия придерживала одной рукой.

Но читала она явно уже давно не её.

Корделия смотрела прямо на Женевьеву.

И взгляд этот не обещал ничего хорошего.

Женевьева почувствовала, как улыбка медленно исчезает с её лица.

О нет.

Она всё ещё стояла у двери, в простом дорожном плаще, с растрепавшимися после танцев волосами и совершенно неподходящим для позднего часа выражением лица.

Корделия неторопливо вложила закладку между страницами и закрыла книгу.

Тихий хлопок переплёта прозвучал в комнате неожиданно громко.

— Ну и где ты была? — строго спросила она.

Женевьева сглотнула.

Попалась.

Глава 2

Комната, которую они сняли на втором этаже таверны, оказалась вполне приличной. Две узкие кровати, небольшой стол у окна, шкаф, видавший лучшие времена, и умывальник с кувшином воды. За такую цену можно было рассчитывать на меньшее.

Молодой мужчина устроился на одной из кроватей, вытянув ноги и прислонившись спиной к стене. В одной руке он держал красное яблоко, в другой — раскрытую книгу.

Книга называлась «Военные хитрости древних полководцев». Автор, судя по всему, питал особую слабость к осадам и с неприличным удовольствием описывал способы, которыми одна армия могла заставить другую умереть от голода. Последние несколько страниц были посвящены полководцу, сумевшему захватить неприступную крепость, подкупив человека, отвечавшего за её водоснабжение.

Мужчина откусил яблоко и перевернул страницу.

В сущности, вечер мог закончиться куда приятнее. Сейчас он вполне мог лежать в мягкой постели, обнимая какую-нибудь хорошенькую женщину, вместо того чтобы читать о том, как несколько сотен солдат передохли от жажды.

Впрочем, книга тоже была неплохой.

Он уже собирался узнать, чем закончилась осада, когда дверь приоткрылась.

На пороге появился его друг Томас.

— Ну, поздравляю нас обоих, — объявил тот, входя в комнату. — Остались ни с чем.

Мужчина оторвался от книги. Томас прикрыл дверь, прислонился к ней спиной и с усмешкой посмотрел на приятеля.

— Ты чего такой довольный? — спросил мужчина, откусив яблоко.

— А я недоволен. Я просто пытаюсь понять, как нам обоим удалось всё испортить.

— Не знаю, как тебе. Мне особо стараться не пришлось.

Томас хмыкнул, снял плащ и повесил его на спинку стула.

— Я, между прочим, неплохо провёл время. Мы с рыжей даже целовались.

— И?

— Что «и»?

— Судя по тому, что ты вернулся, дальше дело не пошло.

— Не пошло, — признал Томас. — Хотя я был уверен, что она согласится.

— Значит, плохо уговаривал.

— Да я её и не уговаривал особо. Всё шло прекрасно, пока она вдруг не вспомнила, что ей пора.

— Может, ты ей надоел?

— Может, — Томас пожал плечами. — Но целовалась она так, будто не собиралась никуда уходить.

Он уселся на свободную кровать и принялся стягивать сапоги.

— А у тебя что? Я видел, как ты за блондинкой вышел.

— Проводил немного.

— И всё?

— И всё.

Томас поднял голову.

— Даже не поцеловались?

— Нет, Томас, не поцеловались.

— Странно. Мне показалось, ты ей понравился.

— Возможно. Но в постель она ко мне не собиралась.

— А тебе она?

Мужчина пожал плечами.

— Хорошенькая. Стройная, с милым личиком и весьма соблазнительной грудью. Я бы с удовольствием провёл с ней ночь.

— Но?

— Но она ушла домой, а я сижу здесь и ем яблоко.

Томас рассмеялся.

— Вот уж не думал, что увижу такое.

— Что именно?

— Как ты возвращаешься от женщины с пустыми руками.

— Ты сам только что вернулся с пустыми руками.

— У меня хотя бы поцелуй был.

— Тогда можешь считать себя победителем. Вино всё равно покупать не стану.

— Ладно, оставим вино. Но твоё поражение я тебе ещё припомню.

Мужчина усмехнулся и вернулся к книге.

Они заметили девушек почти сразу, едва те появились в таверне. Две хорошенькие незнакомки, одна рыжая, другая светловолосая, обе в плащах с накинутыми капюшонами. В их осанке и манерах чувствовалось хорошее воспитание, хотя в тот вечер обоим мужчинам было совершенно неинтересно выяснять, откуда они родом.

Гораздо занимательнее показалось заключить пари: кто первым сумеет провести ночь с одной из красавиц, тот получит бутылку хорошего вина за счёт проигравшего.

Теперь спор, по всей видимости, закончился ничьей.

— Кстати, — вспомнил Томас, бросая сапог под кровать, — рыжую Мартой зовут.

— И давно ты это выяснил?

— Пока ты пытался очаровать её подругу. Она, оказывается, фрейлина принцессы.

Мужчина задержал взгляд на странице.

— Фрейлина? Любопытно.

— Вот и я удивился. Она сначала ничего не говорила, а потом сама обмолвилась. Я ещё подумал, что она слишком хорошо воспитана для обычной горожанки.

— И тебя это не смутило?

— А должно было? — Томас пожал плечами. — Она симпатичная, я ей понравился. Не вижу проблемы.

— Пока её родственники не узнают, с кем она целовалась в таверне.

— Надеюсь, она достаточно умна, чтобы им не рассказывать.

Мужчина усмехнулся.

— А блондинка, значит, тоже из замка? — спросил он спустя несколько мгновений.

— Скорее всего. Они явно хорошо знакомы. Да и ты сам видел, как она держалась. Не похожа на девушку, которая часто бывает в таких местах.

Он не стал спорить. Светловолосая незнакомка действительно отличалась манерами, которые трудно было не заметить. Прямая спина, уверенный взгляд, привычка держать голову чуть приподнятой. Даже в простом плаще она не производила впечатления обычной горожанки.

Впрочем, всё это мало что значило. В замке хватало знатных девиц, и далеко не каждая из них была интересна ему дольше одного вечера.

— Может, тоже фрейлина, — предположил Томас. — Завтра узнаем.

— Если встретим.

— Думаю, встретим. Хотя завтра нам будет не до девиц.

Мужчина перевернул страницу.

— Не напоминай.

— Король с королевой прибудут ближе к ужину. До этого ещё успеем осмотреться.

— Если мой брат не решит приехать раньше, чтобы лично испортить мне день.

Томас усмехнулся.

— Ты почти год его не видел. Мог бы хоть немного обрадоваться.

— Я почти год прекрасно без него обходился. С удовольствием продлил бы ещё на столько же.

— Сомневаюсь, что он позволит тебе снова исчезнуть.

— Он уже достаточно ясно изложил свою позицию.

Томас покачал головой. Он прекрасно помнил последнее письмо короля и настроение друга после его прочтения.

— Ладно. Что будем делать завтра? Есть какие-нибудь распоряжения?

Мужчина оторвался от книги.

— Ничего особенного. Всё как обычно.

— То есть мне следить, чтобы ты не нажил себе неприятностей?

— В первую очередь следи, чтобы ты сам их не нажил.

— Я? — Томас изобразил удивление. — Когда такое было?

— Начать перечислять?

— Не стоит. Мы оба знаем, что список получится длинным.

Мужчина усмехнулся.

— Вот и договорились.

Томас улёгся на кровать, вытянув ноги.

— А если серьёзно?

— Будь рядом. Остальное решим на месте.

— Хорошо.

На этом разговор о завтрашнем дне закончился. Томас знал друга достаточно хорошо, чтобы не продолжать расспросы, когда тот не был расположен обсуждать предстоящую встречу.

Мужчина снова углубился в книгу. До завтрашнего вечера у него оставалось ещё несколько часов свободы, и он намеревался провести их без мыслей о брате, королевских обязанностях и неизбежных разговорах, которые ждали его в замке.

* * *

Корделия не сводила с неё глаз.

Женевьева медленно убрала руку с застёжки плаща. Ещё несколько мгновений назад она мечтала только о том, чтобы снять тесный корсаж, распустить волосы и добраться до постели. Теперь же ей предстояло занятие куда менее приятное.

Судя по выражению лица сестры, объяснения были неизбежны.

Корделия сидела в высоком кресле у камина, прямая, неподвижная, в бирюзовом платье с тонкой золотистой вышивкой. Её светлые волосы лежали на плечах аккуратными волнами. Даже в столь поздний час в её облике не было ни малейшего намёка на небрежность.

Женевьева невольно подумала о собственных растрепавшихся волосах, скрытых капюшоном, и помятой юбке. Сравнение явно было не в её пользу.

Она отошлаот двери, прислонилась спиной к стене и скрестила руки на груди. Затем приподняла подбородок, с вызовом встречая взгляд сестры.

Если Корделия собиралась её отчитывать, пусть хотя бы не рассчитывает на покорное раскаяние.

— Давно ты здесь сидишь?

— Достаточно, чтобы заметить твоё отсутствие.

— Могла бы и у себя подождать. Я бы завтра зашла.

— Не сомневаюсь.

Корделия произнесла это совершенно спокойно, но Женевьева слишком хорошо знала сестру, чтобы обмануться её невозмутимостью.

— Где ты была? — повторила Корделия.

— В городе.

— Это я предположила.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Хотела услышать от тебя.

Женевьева вздохнула.

— Я гуляла. Сегодня праздник, если ты вдруг не заметила.

— Заметила. А ещё заметила, что уже поздно. Кто тебя сопровождал?

— Никто.

Корделия окинула взглядом её одежду. Простая светлая блуза, коричневый корсаж, длинная юбка, кремовый плащ. Всё это имело мало общего с гардеробом королевской дочери.

— Значит, ты переоделась и покинула замок без охраны.

— Как видишь, успешно.

— Каким образом ты вышла?

— Через дверь.

Корделия слегка приподняла бровь.

— Не заставляй меня задавать один и тот же вопрос дважды.

— А ты не задавай вопросов, на которые я не собираюсь отвечать.

Сестра некоторое время смотрела на неё, затем откинулась на спинку кресла.

— Хорошо. Значит, ты воспользовалась одним из служебных выходов.

Женевьева промолчала.

— Если ты сумела незаметно выйти, кто-нибудь другой может воспользоваться тем же путём, чтобы войти, — продолжила Корделия.

Женевьева открыла рот, собираясь возразить, но на мгновение задумалась.

— Это совершенно разные вещи.

— Для стражи, которая ничего не заметила, разница невелика.

— Ты всегда находишь повод для беспокойства.

— А ты удивительно старательно их предоставляешь.

Женевьева раздражённо выдохнула.

— Корделия, я сходила в город и вернулась. Со мной всё в порядке.

— Я вижу.

— Тогда мы закончили?

— Нет.

Ответ прозвучал так ровно, что Женевьева невольно стиснула зубы.

Корделия поднялась. Бирюзовый шёлк мягко зашелестел, когда она расправила юбку. Она не спеша подошла к столику, положила на него книгу и только после этого вновь обратилась к сестре.

— В Мордин сейчас съехались гости со всех четырёх царств. Среди них представители иностранных дворов, их сопровождающие и люди, о которых нам ничего не известно. Ты понимаешь, насколько неосмотрительно было отправляться туда одной?

— Никто не знал, кто я такая.

— Ты не можешь быть в этом уверена.

— Я была одета как обычная горожанка. Люди веселились, а не разглядывали прохожих.

— Достаточно одного человека, который тебя узнает.

— И что, по-твоему, он сделает? Немедленно бросится меня похищать?

— Не обязательно немедленно.

Женевьева закатила глаза.

— Какая мрачная картина мира.

— Вполне обычная для человека, который привык думать о последствиях.

— А я, по-твоему, не думаю?

Корделия посмотрела на её плащ.

— Сегодня у меня есть основания сомневаться.

Женевьева сердито поправила сползавший с плеча капюшон.

— Знаешь, иногда мне кажется, что ты получаешь удовольствие, когда можешь прочитать мне очередную лекцию.

— Уверяю тебя, у меня нашлись бы более приятные занятия.

— Например, сидеть в моей комнате с книгой и ждать, когда я вернусь?

— Например, дочитать эту книгу у себя.

Женевьева на мгновение поджала губы.

— Я не ребёнок, Корделия.

— Я прекрасно помню, сколько тебе лет.

— Тогда перестань обращаться со мной так, словно мне пять!

— Возраст не делает любое твоё решение разумным.

— И твоё мнение не делает его неправильным!

На этот раз голос Женевьевы прозвучал громче, чем она намеревалась.

Корделия даже не изменилась в лице.

Это раздражало больше всего.

В детстве Женевьева не раз пыталась вывести сестру из равновесия. Иногда ей удавалось заставить Корделию нахмуриться, гораздо реже — рассмеяться, но настоящая вспышка гнева была такой редкостью, что Женевьева могла бы пересчитать подобные случаи по пальцам.

Сама же она обычно успевала рассердиться, высказать всё, что думала, и пожалеть о половине сказанного, пока Корделия лишь подбирала подходящий ответ.

— Дело не в моём мнении, — произнесла Корделия. — Если бы с тобой что-нибудь случилось, никто даже не знал бы, где тебя искать. А человек, желающий навредить отцу, получил бы прекрасную возможность использовать тебя против него.

Женевьева нахмурилась.

— Ты говоришь так, словно я отправилась прямо в лагерь вражеской армии.

— Для похищения принцессы необязательно начинать войну.

— И что же теперь? Всю жизнь прятаться за замковыми стенами? Я не узница, Корделия. Разве у меня нет права хотя бы иногда гулять по собственной столице?

— Разумеется, есть.

Женевьева на мгновение растерялась, не ожидая столь быстрого согласия.

— Вот именно!

— В сопровождении охраны.

— Ох, только не начинай!

— Ты задала вопрос. Я ответила.

— Да какая же это прогулка, если за мной по пятам следуют вооружённые стражники? Все расступаются, кланяются, смотрят. Стоит мне остановиться у какой-нибудь лавки, как продавец начинает дрожать от страха, что недостаточно почтительно со мной разговаривает!

— Продавцы обычно бывают весьма довольны, когда у них что-нибудь покупают.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я!

— Понимаю. Тебе хочется хотя бы ненадолго забыть, кто ты.

Женевьева замолчала.

— Нет, — наконец возразила она. — Я не хочу забывать, кто я. Я люблю наше царство. Люблю Мордин. И мне хочется видеть его не только из окна кареты или с балкона замка. Сегодня я могла разговаривать с людьми, танцевать, смеяться. Никому не было дела до моего титула. Я впервые за долгое время чувствовала себя просто девушкой, а не принцессой, за каждым шагом которой кто-нибудь наблюдает.

Корделия выслушала её, не перебивая.

— Я понимаю, почему тебе это понравилось.

— Правда?

— Правда. Но ты не можешь выбирать только приятную сторону своего положения.

Женевьева отвела взгляд.

Ей не нравилось, что сестра приводила доводы, на которые было трудно ответить. Ещё меньше нравилось, что в них имелся смысл.

Но согласиться с Корделией означало признать, что весь этот замечательный вечер был ошибкой. А Женевьева вовсе не считала его ошибкой.

— Иногда мне кажется, что все вокруг только и ждут, когда я наконец стану такой, как ты, — пробормотала она.

Корделия чуть склонила голову.

— Надеюсь, ты не считаешь это оскорблением.

— Нет. Но тебе ведь всё это даётся легко. Ты всегда знаешь, как нужно поступить, что сказать, когда промолчать. А я не хочу всю жизнь думать о том, достаточно ли достойно выгляжу, прежде чем сделать хоть что-нибудь.

— Ты ошибаешься, если считаешь, что мне это ничего не стоит.

Женевьева посмотрела на сестру.

Корделия произнесла эти слова без обиды, словно сообщила простой факт. И всё же Женевьева впервые за вечер не нашлась с ответом.

— Я не это имела в виду, — сказала она.

— Знаю.

Корделия подошла к окну. Вдали ещё вспыхивали праздничные огни, хотя музыки теперь почти не было слышно.

— Через несколько дней нам исполнится восемнадцать, — продолжила она. — Обязанностей станет больше, а не меньше. Тебе придётся принимать решения, которые будут касаться не только тебя.

— Я знаю.

— Тогда начни с тех, последствия которых ты способна предусмотреть.

Женевьева раздражённо выдохнула.

— Ты непременно должна оставить за собой последнее слово?

— Желательно.

Женевьева невольно усмехнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Только не говори, что собираешься рассказать родителям.

— Я ещё не решила.

— Корделия!

— Отец должен знать, если в охране замка есть серьёзные недостатки.

— Тогда расскажи ему об охране. Зачем непременно рассказывать обо мне?

— Потому что именно ты обнаружила эти недостатки весьма своеобразным способом.

— Если отец узнает, он запретит мне выходить из замка до самого бала. А матушка приставит ко мне столько фрейлин, что я даже до окна не смогу добраться незамеченной.

— Полагаю, ты сама понимаешь, почему они так поступят.

— Я прошу тебя не превращать один вечер в государственное происшествие.

Корделия не ответила сразу.

— Я пришла сюда около часа назад, — произнесла она наконец. — Хотела поговорить с тобой о предстоящем бале. Когда тебя не оказалось, решила подождать. Потом стала беспокоиться.

Женевьева чуть опустила подбородок.

— Ты могла вернуться к себе.

— Могла.

— Но осталась.

— Да.

В этом коротком ответе не было ни упрёка, ни попытки вызвать чувство вины.

И почему-то Женевьеве стало неловко.

Она посмотрела на сестру. Корделия по-прежнему стояла возле окна, сложив руки перед собой. Её лицо оставалось спокойным, но теперь Женевьева заметила, как внимательно та следила за каждым её движением с самого возвращения.

Вероятно, всё это время она действительно пыталась убедиться, что с сестрой ничего не случилось.

— Я не хотела, чтобы ты волновалась, — сказала Женевьева.

— Тогда в следующий раз постарайся не давать мне повода.

Женевьева опустила глаза на собственные руки, затем снова посмотрела на сестру.

— Мне жаль, что ты испугалась.

— Я не испугалась.

— Конечно, — Женевьева едва заметно улыбнулась. — Ты ведь никогда ничего не боишься.

— Я сказала, что не испугалась. Не нужно приписывать мне то, чего я не говорила.

— Как скажешь.

Корделия чуть прищурилась.

— И всё же я рассчитываю, что ты больше не станешь исчезать подобным образом.

— Я постараюсь.

— Женевьева.

— Что?

— Мы обе знаем, что это ничего не значит.

— Тогда зачем спрашиваешь?

На губах Корделии мелькнула едва заметная улыбка.

— Полагаю, надеялась на чудо.

Женевьева рассмеялась.

Напряжение между ними немного ослабло. Она наконец расстегнула плащ и сбросила капюшон. Светлые волосы рассыпались по плечам, несколько спутанных прядей прилипли к шее.

Корделия окинула её внимательным взглядом.

— Ты выглядишь ужасно.

— Благодарю. А ты, как всегда, безупречна.

— У тебя волосы в таком состоянии, будто ты всю дорогу бежала от городской стражи.

— Не пришлось. Но танцевала я много.

— В таком наряде?

— Представь себе. И никто даже не наступил мне на юбку.

Корделия посмотрела на коричневый корсаж.

— Не сомневаюсь, что матушка пришла бы в восторг, увидев тебя сейчас.

— К счастью, она спит.

— На твоём месте я бы не была столь уверена.

Женевьева замерла.

— Успокойся. Насколько мне известно, она у себя.

— Ты могла бы сразу сказать!

— А ты могла бы не давать мне повода для подобных замечаний.

Женевьева покачала головой, но улыбнулась.

Корделия вернулась к креслу и взяла со столика книгу.

— Приведи себя в порядок и ложись спать. Завтра у нас достаточно дел, чтобы не начинать утро с жалоб на недосыпание.

— А ты?

— Вернусь к себе.

— И ничего не расскажешь отцу?

Корделия остановилась.

Несколько мгновений она смотрела на сестру, словно обдумывая, заслуживает ли та ответа.

— Сегодня — нет.

Женевьева облегчённо выдохнула.

— Спасибо.

— Не благодари. Я ещё не решила, что делать с твоей удивительной способностью обходить замковую охрану.

— Может, просто восхитишься моей находчивостью?

— Боюсь, у нас с тобой разные представления о находчивости.

Корделия направилась к двери.

— И, Женевьева?

— Да?

— В следующий раз, когда тебе захочется увидеть город, хотя бы поговори со мной прежде, чем исчезнуть.

Женевьева чуть склонила голову.

— Чтобы ты успела меня отговорить?

— Чтобы у меня была возможность предложить тебе что-нибудь менее безрассудное.

— Какое великодушие.

Корделия взялась за дверную ручку, но прежде чем выйти, ещё раз обернулась.

— Спокойной ночи, сестра.

— Спокойной ночи.

Дверь тихо закрылась.

Женевьева постояла посреди комнаты, прислушиваясь к удаляющимся шагам, затем бросила плащ на ближайшее кресло.

Ну вот. Она вернулась целой и невредимой, выдержала допрос Корделии и, кажется, даже избежала неприятностей с родителями.

Для одного вечера вполне достаточно.

Она подошла к зеркалу и принялась вытаскивать шпильки из растрепавшихся волос.

В отражении на неё смотрела девушка с раскрасневшимися щеками и усталыми, но всё ещё весёлыми глазами.

Женевьева улыбнулась.

И всё-таки вечер того стоил.

Глава 3

Утро в Мордине начиналось задолго до того, как первые солнечные лучи касались башен королевского замка.

В гавани уже кипела работа. Рыбаки возвращались с ночного промысла, и над причалами разносились крики чаек, скрип канатов и голоса торговцев, спешивших первыми выбрать лучший улов. По узким улочкам, ведущим от порта к рыночной площади, катили телеги с корзинами свежей рыбы, фруктов и душистых трав. Пекари распахивали двери своих лавок, выпуская наружу аромат горячего хлеба, а владельцы торговых палаток снимали полотняные покрывала с прилавков.

После вчерашних гуляний город просыпался неохотно. Кое-где ещё висели праздничные гирлянды, на мостовых поблёскивали разноцветные ленты, а у фонтанов дремали последние гуляки, которым так и не удалось добраться до дома. Однако приближающееся совершеннолетие королевских дочерей не позволяло столице надолго предаваться отдыху. До торжеств оставалось всего несколько дней, и подготовка к ним с каждым утром становилась всё оживлённее.

Не менее деятельным выдалось утро и в замке.

Слуги спешили по коридорам, неся охапки свежего белья, корзины с цветами и подносы с завтраками. В парадных залах натирали полы, расправляли тяжёлые портьеры и проверяли подсвечники. Садовники приводили в порядок живые изгороди, а конюхи готовили лошадей для утренних выездов. Со стороны кухни доносились звон посуды, приглушённые распоряжения поваров и аппетитные запахи свежей выпечки.

Королевская семья завтракала на просторной террасе, выходившей в сад.

Террасу обрамляли светлые каменные колонны, увитые цветущими лианами. За невысокой балюстрадой раскинулся королевский сад: ровные дорожки из белого камня пересекали зелёные лужайки, среди которых росли высокие деревья с раскидистыми кронами. В центре сада журчал большой фонтан, украшенный искусно вырезанными из камня морскими существами. Вода переливалась на солнце, рассыпаясь мелкими брызгами, а лёгкий ветер приносил с собой запах цветов и моря.

Большой овальный стол был накрыт белоснежной скатертью. На тонких фарфоровых тарелках лежали ещё тёплые булочки с золотистой корочкой, небольшие пироги с мягким сыром и зеленью, ломтики свежего хлеба и запечённые овощи. Отдельно подали яйца, приготовленные с томатами и сладким перцем, нежный сливочный сыр, мёд и несколько сортов фруктового варенья.

В серебряных блюдах красовались спелые персики, виноград, инжир и разрезанные гранаты. Рядом стояли кувшины с прохладной водой, свежевыжатым цитрусовым соком и лёгким ягодным напитком с мятой. Для короля приготовили крепкий чай, а королева предпочла травяной настой с душистыми цветами.

— После окончания празднеств я намерен заняться вопросом вашего замужества, — произнёс Морис, поставив чашку на блюдце.

Женевьева подняла глаза. Отец говорил об этом так же спокойно, как несколькими минутами ранее обсуждал с Элиной предстоящий приезд гостей.

— Вы обе скоро достигнете совершеннолетия, — продолжил он. — И я полагаю, что пришло время задуматься о вашем будущем. Выбор супругов потребует немало внимания. Я рассчитываю, что вы отнесётесь к нему со всей серьёзностью.

— Разумеется, отец, — ответила Корделия. — Я полностью доверяю вашему суждению.

Морис одобрительно кивнул и посмотрел на вторую дочь.

Женевьева на мгновение задержала взгляд на своей чашке.

— Я тоже доверяю вам, отец.

Это была правда. Но ей хотелось бы знать, насколько далеко простирается это доверие, когда речь заходит о её собственной жизни.

— Ты хотела что-то добавить? — спросил Морис.

Женевьева подняла голову.

— Лишь один вопрос. Будет ли у нас возможность познакомиться с будущими женихами прежде, чем вы примете решение?

— Разумеется. Я не собираюсь заключать брачные союзы вслепую.

— Я рада это слышать.

— Однако надеюсь, что при выборе вы будете руководствоваться не только личными симпатиями.

— Конечно, отец.

Элина, до этого молча слушавшая разговор, обратилась к супругу:

— Думаю, девочкам будет гораздо проще составить собственное мнение, когда появятся конкретные кандидаты. Пока им трудно представить, о ком именно идёт речь.

— Поэтому я и намерен заняться этим после празднеств, — ответил Морис. — Но счёл необходимым предупредить их заранее.

— И правильно сделал, — согласилась королева. — У них будет время привыкнуть к этой мысли.

Женевьева благодарно взглянула на мать.

— А мне тоже станут искать невесту? — неожиданно поинтересовался Рейн.

Морис повернулся к сыну.

— Несомненно. Но до этого дня тебе предстоит ещё многому научиться.

— А я смогу сам её выбрать?

— Когда придёт время, мы рассмотрим этот вопрос.

Рейн немного подумал.

— Тогда я хочу, чтобы она умела ездить верхом.

— Достойное пожелание, — заметила Корделия.

— И плавать, — добавил он.

— Для будущей королевы Царства Воды это было бы весьма полезно, — согласилась Женевьева.

Рейн воодушевился.

— И чтобы она любила лошадей. И собак.

— Полагаю, дорогой, — с улыбкой произнесла Элина, — когда придёт время, мы непременно найдём тебе самую достойную невесту. Возможно, она даже разделит все твои увлечения.

— А если нет?

— Тогда тебе придётся научиться интересоваться и её увлечениями, — ответила королева.

Корделия улыбнулась, а Женевьева с любопытством посмотрела на брата.

Рейн нахмурился, обдумывая услышанное.

— Даже если она любит вышивать?

— Даже в этом случае, — подтвердила Элина.

— Тогда, пожалуй, мне пока рано жениться.

На этот раз улыбнулся даже Морис.

— Весьма здравое заключение. Надеюсь, к тому времени, когда вопрос о твоём браке действительно возникнет, ты будешь рассуждать несколько иначе.

— Да, отец, — ответил Рейн и вернулся к завтраку.

Женевьева тоже взяла чашку, скрывая за ней лёгкую улыбку.

Брату ещё предстояло узнать, что выбор супруги — задача куда сложнее, чем поиск человека, который любит лошадей и не слишком увлекается вышиванием.

Хотя, если задуматься, его требования казались ей ничуть не менее разумными, чем те, которыми руководствовались при заключении династических браков.

Некоторое время за столом царило спокойствие. Слышались лишь негромкий звон посуды, шелест листвы и журчание фонтана.

Женевьева посмотрела на Корделию. Та спокойно завтракала, ничем не выдавая волнения. Сестра всегда умела принимать обстоятельства такими, какими они были, особенно если речь шла о долге перед семьёй и царством.

Женевьева искренне восхищалась этой способностью.

И совершенно не понимала, как Корделии это удаётся.

Сама она не могла представить, что однажды ей придётся выйти замуж за человека лишь потому, что его происхождение и положение окажутся подходящими.

Она перевела взгляд на родителей.

Морис о чём-то негромко говорил Элине. Королева слушала, чуть склонив голову, и время от времени отвечала ему. В их отношениях всегда существовало то спокойное взаимопонимание, которое Женевьева замечала с детства. Мать могла не соглашаться с отцом, но никогда не делала этого напоказ. А Морис, при всей своей строгости, прислушивался к супруге чаще, чем могло показаться со стороны.

Женевьева хотела бы однажды обрести такое же взаимопонимание.

Но прежде ей хотелось хотя бы полюбить человека, за которого она выйдет замуж.

Со стороны входа на террасу послышались шаги.

Один из королевских распорядителей остановился на почтительном расстоянии от стола и низко поклонился.

— Ваше Величество, прошу простить за беспокойство.

Морис повернул голову.

— Докладывайте.

— В замок прибыла королевская семья Царства Воздуха. Их экипажи только что пересекли главные ворота.

— Они прибыли раньше назначенного часа, — заметил король.

— Да, Ваше Величество. Их сопровождающие сообщили, что путешествие прошло благополучно.

— Хорошо. Распорядитесь, чтобы гостей проводили в приёмную гостиную. Предложите им освежиться после дороги и передайте, что мы вскоре присоединимся к ним.

— Будет исполнено, Ваше Величество.

Распорядитель вновь поклонился и удалился.

Морис поднялся из-за стола.

— Что ж, наш завтрак окончен.

Элина положила салфетку рядом с тарелкой.

— Надеюсь, дорога не слишком их утомила.

— Скоро узнаем, — ответил Морис. — Не будем заставлять гостей ждать.

Он посмотрел на детей.

— Приведите себя в порядок. Я ожидаю вас в главном зале через четверть часа.

— Нам следует переодеться? — уточнила Корделия.

— Нет, дорогая, — ответила Элина. — Ваши наряды вполне подходят для утреннего приёма.

Рейн поспешно допил сок.

— А у них есть дети?

— Рейн, — произнёс Морис, — вопросы задашь после того, как мы поприветствуем гостей. И не забывай о манерах.

— Да, отец.

Корделия поднялась и аккуратно поправила складки платья. Женевьева последовала её примеру, с сожалением взглянув на недоеденную булочку.

Элина задержалась возле дочери и легко коснулась её руки.

— Не принимай всё так близко к сердцу, дорогая, — тихо произнесла она. — До свадьбы ещё далеко.

Женевьева посмотрела на мать.

— Но ведь отец уже всё решил.

— Он решил, что пришло время задуматься о вашем будущем. Это не совсем одно и то же.

— Для него, возможно.

Элина чуть заметно улыбнулась.

— Твой отец всегда был человеком долга. Но это не значит, что ему безразлично ваше счастье.

Женевьева вздохнула.

— Я знаю, матушка.

— Тогда не стоит портить себе утро раньше времени.

Королева ласково сжала её ладонь и направилась вслед за супругом.

Женевьева осталась на террасе ещё на мгновение.

За балюстрадой журчал фонтан, в кронах деревьев перекликались птицы, а над садом сияло безоблачное небо.

Ещё вчера она гуляла по улицам Мордина, танцевала в таверне и наслаждалась редкими часами свободы.

Сегодня же отец напомнил ей, что свобода принцессы имеет свои пределы.

— Женевьева, ты идёшь? — донёсся голос Корделии.

Она обернулась.

— Уже иду.

Поправив платье, Женевьева поспешила за сестрой.

В конце концов, впереди её ждала встреча с королевской семьёй Царства Воздуха.

А это обещало быть куда интереснее разговоров о замужестве.

* * *

В главном зале замка царила приятная прохлада. Сквозь высокие стрельчатые окна лился солнечный свет, отражаясь от отполированного мраморного пола. Между белоснежными колоннами свисали длинные тёмно-синие знамёна с серебристыми гербами Царства Воды. Лёгкий ветер колыхал тяжёлые портьеры, принося с открытых галерей свежий воздух.

Король Морис стоял в нескольких шагах от входа, ожидая гостей. По правую руку от него находилась Элина, рядом с ней — Корделия и Женевьева. Рейн, которому ожидание давалось несколько труднее, то и дело поглядывал на распахнутые двери.

Наконец церемониймейстер выступил вперёд и громко объявил:

— Его Величество король Этерий, Её Величество королева Мирелла, Его Высочество наследный принц Аэрон и Её Высочество принцесса Лирия!

В зал вошла королевская семья Царства Воздуха.

Первым шёл Этерий — высокий, статный мужчина с длинными серебристыми волосами и аккуратно подстриженной бородой. Его белоснежные одежды были украшены тонкой серебряной вышивкой, а на плечах лежала тяжёлая мантия. Рядом с ним ступала королева Мирелла, светловолосая женщина с благородной осанкой и спокойным, приветливым выражением лица. За ними следовали их дети: принц Аэрон, унаследовавший от отца высокий рост

и светлые волосы, и юная светловолосая принцесса Лирия, чьё нежно-голубое платье переливалось серебром при каждом движении.

Увидев старого друга, Морис шагнул навстречу.

— Этерий! Рад приветствовать тебя в Мордине. Сколько же времени прошло с нашей последней встречи?

— Непозволительно много, Морис, — с улыбкой ответил король Воздуха. — Полагаю, мы оба слишком увлеклись государственными делами.

Они обменялись крепким рукопожатием, после чего Морис дружески коснулся его плеча.

— Надеюсь, дорога была благополучной?

— Вполне. Хотя должен признаться, я уже успел соскучиться по вашему южному теплу.

— Тогда постараемся, чтобы за время пребывания здесь ты успел от него устать.

Этерий рассмеялся.

— Сомневаюсь, что это возможно.

Морис перевёл взгляд на стоявшую рядом с ним королеву.

— Мирелла, дорогая, рад снова вас видеть.

Он взял протянутую ею руку и галантно склонился над ней.

— Должен заметить, годы совершенно не властны над вашей красотой.

— Вы по-прежнему умеете говорить приятные вещи, Морис, — ответила Мирелла с улыбкой. — Благодарю вас за столь тёплый приём.

— Для старых друзей двери нашего замка всегда открыты.

Элина шагнула вперёд и тепло приветствовала гостью.

— Мирелла, как же я рада нашей встрече!

— И я, дорогая Элина. Мы столько раз собирались приехать, но всякий раз находились обстоятельства, которые заставляли нас откладывать путешествие.

— Теперь у нас будет достаточно времени, чтобы наверстать упущенное.

Королевы обменялись объятиями, после чего Элина приветствовала Этерия.

— Рада видеть вас в добром здравии, Ваше Величество.

— Взаимно, дорогая Элина. Вы, как всегда, очаровательны.

Морис обратился к детям гостей.

— Аэрон, Лирия! Признаться, я едва узнал вас обоих.

Принц и принцесса почтительно склонили головы.

— Ваше Величество, — произнёс Аэрон. — Благодарю за гостеприимство. Для нас большая честь вновь посетить ваше царство.

— Рад видеть тебя, Аэрон. Ты заметно возмужал с нашей последней встречи. Этерий, полагаю, ты уже можешь во многом положиться на сына.

— Он не даёт мне повода жаловаться, — с удовлетворением ответил Этерий.

— Отец слишком добр ко мне, — заметил Аэрон.

— Не стоит скромничать, молодой человек, — произнёс Морис. — Уверен, твой отец знает, о чём говорит.

Затем он повернулся к Лирии.

— А вы, принцесса, превратились в настоящую красавицу.

Лирия улыбнулась.

— Благодарю, Ваше Величество.

Этерий тем временем обратил внимание на дочерей хозяев.

— А вот и наши юные принцессы! Корделия, Женевьева, подойдите, дайте на вас взглянуть.

Сёстры выступили вперёд и исполнили изящные реверансы.

— Ваше Величество, — произнесла Корделия. — Мы рады приветствовать вас в Царстве Воды.

— Надеюсь, путешествие было приятным, — добавила Женевьева.

— Весьма приятным, благодарю вас. Но посмотрите только, какими красавицами вы выросли! — Этерий с улыбкой покачал головой. — Кажется, ещё совсем недавно вы носились по саду, а теперь передо мной две настоящие невесты.

Корделия ответила сдержанной улыбкой.

— Вы очень любезны, Ваше Величество.

— Благодарю вас, — произнесла Женевьева.

После утреннего разговора с отцом последнее замечание показалось ей особенно своевременным. Впрочем, она не позволила своим мыслям отразиться на лице.

— И обе уже совсем скоро достигнут совершеннолетия, — с заметной гордостью произнёс Морис.

— Вот как быстро летит время, — заметила Мирелла. — Элина, должно быть, вам самой трудно в это поверить.

— Иногда мне кажется, что они выросли за одну ночь, — ответила королева.

— А я тоже уже настоящий жених! — вдруг объявил Рейн.

Взгляды присутствующих обратились к младшему принцу.

Этерий приподнял брови.

— Неужели? И когда же ты успел им стать?

— Сегодня утром, — совершенно серьёзно ответил Рейн.

Женевьева прикусила губу, стараясь не рассмеяться.

— Вот как? — Этерий с любопытством посмотрел на Мориса. — Похоже, я пропустил весьма важное событие.

— Рейн, — произнёс Морис, — полагаю, ты хотел поприветствовать наших гостей.

Мальчик тут же выпрямился и почтительно поклонился.

— Рад приветствовать вас в нашем замке, Ваше Величество.

— Благодарю, принц Рейн, — ответил Этерий с совершенно серьёзным видом. — Надеюсь, ты позволишь нам немного отдохнуть с дороги, прежде чем начнёшь принимать предложения о женитьбе.

Рейн задумался.

— Думаю, да.

На этот раз Женевьева не удержалась от смеха. Лирия тоже улыбнулась, прикрыв губы ладонью.

— Боюсь, мой сын сегодня слишком увлечён вопросами брака, — заметил Морис.

— Что ж, — отозвался Этерий, — предусмотрительность никогда не бывает лишней. Особенно для будущего короля.

Он подмигнул Рейну, и тот расплылся в довольной улыбке.

Морис жестом пригласил гостей пройти дальше.

— Полагаю, после столь долгой дороги вам не помешает немного отдохнуть. Для вас уже приготовлены покои. Сегодня вечером мы будем рады видеть вас за ужином, а пока располагайтесь и чувствуйте себя как дома.

— Благодарю тебя, старый друг, — ответил Этерий. — Приятно наконец оказаться здесь.

— И нам приятно вновь принимать вас, — добавила Элина. — Надеюсь, в этот раз вы задержитесь подольше.

— По крайней мере, до окончания празднеств мы никуда не собираемся, — заверила её Мирелла.

Морис подозвал одного из придворных распорядителей.

— Проводите Их Величества и Их Высочества в отведённые им покои. Проследите, чтобы у гостей было всё необходимое.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Когда распорядитель поклонился и пригласил гостей следовать за ним, Этерий ещё раз обернулся к Морису.

— Надеюсь, вечером у нас найдётся время спокойно поговорить. Без советников, послов и прочих государственных забот.

— Непременно, — ответил Морис. — Нам действительно есть что обсудить.

Они обменялись понимающими улыбками.

Женевьева проводила взглядом удалявшуюся королевскую семью. Лирия на мгновение обернулась, встретилась с ней глазами и приветливо улыбнулась. Женевьева ответила тем же.

Впереди было несколько дней торжеств, приёмов и знакомств.

И, судя по всему, разговоров о женихах ей тоже избежать не удастся.

* * *

Королевский сад был наполнен ароматом цветущего жасмина. Солнечный свет пробивался сквозь густые кроны деревьев, оставляя на дорожках причудливые узоры из света и тени. Где-то среди зелени журчала вода, а над цветочными клумбами порхали бабочки.

В глубине сада, под широкой аркой, увитой белыми розами, стояли большие резные качели. Женевьева и Лирия устроились на мягких подушках, подобрав длинные юбки. Нежно-голубое платье Женевьевы, украшенное мелкими переливающимися чешуйками, искрилось на солнце, словно поверхность моря. Рядом с ним воздушный наряд Лирии казался почти невесомым.

Аэрон стоял сбоку, придерживая резную спинку качелей. Время от времени он слегка подталкивал их, задавая неторопливое движение. Корделия расположилась с другой стороны, возле мраморной колонны, оплетённой цветущими ветвями.

— Целый год, Лирия! — Женевьева повернулась к подруге. — Ты только представь, целый год мы не виделись. С тех пор как мы с Корделией гостили у вас.

— И я намерена предъявить тебе за это счёт, — объявила Лирия.

— Какой ещё счёт?

— За все прогулки, разговоры и приключения, которые мы упустили. Причём расплачиваться ты будешь исключительно собственным временем. Я намерена занять его целиком.

— Боюсь, придётся договариваться с моим отцом.

— С твоим отцом я уже умею договариваться. Он куда сговорчивее, когда я веду себя как примерная принцесса.

— Значит, у нас возникнут трудности, — заметила Женевьева. — Долго притворяться примерными принцессами у нас вряд ли получится.

Лирия рассмеялась.

— Ради нескольких свободных дней я готова потерпеть. К тому же мы теперь достаточно взрослые, чтобы нас отпускали гулять без целой свиты придворных.

— Именно это я и собиралась предложить. Мы могли бы съездить к морю. Есть одна бухта, которую я хочу тебе показать. Там совершенно прозрачная вода, а скалы укрывают берег от ветра.

— И ты молчала об этом?

— Я оставила кое-что интересное к твоему приезду.

— Прекрасно. Значит, завтра мы едем к морю.

— Завтра у нас назначена примерка праздничных платьев, — напомнила Корделия.

Лирия повернула к ней голову.

— На весь день?

— Разумеется, нет. Но после примерки нас ждёт встреча с распорядителем торжеств.

— А после встречи?

— Лирия.

— Я всего лишь уточняю расписание, — невинно ответила та. — Ты же знаешь, как серьёзно я отношусь к своим обязанностям.

— Знаю, — сказала Корделия. — Особенно когда пытаешься уместить их между двумя прогулками.

— Вот за это я тебя и люблю. Ты всегда понимаешь, что именно я задумала.

Корделия не смогла сдержать улыбку.

— К сожалению, слишком хорошо.

Женевьева довольно откинулась на спинку качелей.

— Как же здорово, что вы приехали. Теперь хотя бы празднества обещают быть интересными.

— А до нашего приезда они обещали быть скучными? — спросил Аэрон.

Его голос прозвучал негромко, но Женевьева тотчас обернулась.

— Я этого не говорила.

— Разумеется.

Он чуть подтолкнул качели, и девушки плавно качнулись вперёд.

— Просто я помню, с каким нетерпением ты в прошлом году ждала своего совершеннолетия. Кажется, собиралась устроить самый великолепный праздник, какой только видело Царство Воды.

— И устрою.

— Не сомневаюсь. Особенно если учесть, сколько молодых дворян пожелают на нём присутствовать.

Женевьева прищурилась.

— К чему ты клонишь?

— Ни к чему. Лишь предполагаю, что у твоего отца будет немало желающих познакомиться с его дочерьми.

— Как деликатно ты выразился.

Лирия, до этого с интересом наблюдавшая за ними, вдруг выпрямилась.

— О нет, Аэрон. Даже не думай переводить разговор на женихов Женевьевы. У нас в семье есть куда более неотложный вопрос.

Аэрон посмотрел на сестру.

— Неужели?

— Твоя женитьба.

Женевьева расхохоталась.

— Лирия, ты беспощадна!

— Нисколько. Я всего лишь забочусь о будущем Царства Воздуха. Моему брату уже двадцать, он наследник престола, а у него до сих пор нет невесты. По-моему, это требует немедленного вмешательства.

— И кого ты собираешься вмешать? — спокойно поинтересовался Аэрон.

— Пока не решила. Но кандидатуры я готова рассмотреть.

— Прошу тебя не утруждаться.

— Вот! — Лирия повернулась к Женевьеве. — Слышишь? Именно так он отвечает всякий раз, когда я пытаюсь помочь.

— Возможно, он не нуждается в помощи, — предположила Женевьева.

— Ещё как нуждается. Если предоставить всё ему, он женится лет через двадцать. И то лишь потому, что отец лично приведёт невесту в тронный зал.

— Лирия, — мягко произнёс Аэрон.

— Что?

— Ты слишком увлеклась.

В его голосе не было раздражения. Он смотрел на сестру с привычным терпением человека, которому подобные разговоры давно знакомы.

Лирия улыбнулась, но отступать явно не собиралась.

— Хорошо. Давай спросим у человека, чьему мнению ты наверняка доверяешь.

Она повернулась к Корделии.

— Скажи, разве я не права? Аэрону пора задуматься о женитьбе. В конце концов, будущему королю нужна достойная супруга.

Корделия, до этого с лёгкой улыбкой наблюдавшая за разговором, на мгновение опустила взгляд.

Она хорошо помнила Аэрона ещё мальчиком — серьёзным, немногословным, неизменно терпеливым к проделкам младшей сестры. За прошедшие годы он стал выше, черты его лица приобрели взрослую строгость, а в манере держаться появилась уверенность, свойственная человеку, привыкшему принимать решения. Но его спокойная доброта осталась прежней.

Именно это Корделия ценила в нём больше всего.

Впрочем, ни Лирия, ни Женевьева не должны были догадаться, насколько ей небезразличен заданный вопрос.

— Полагаю, принц Аэрон достаточно разумен, чтобы самостоятельно определить подходящее время для вступления в брак, — произнесла она ровно. — Однако Лирия права в одном: выбор будущей королевы имеет огромное значение для всего царства. Рядом с наследником должна быть женщина, способная разделить его обязанности и достойно представлять корону.

— Вот именно! — обрадовалась Лирия. — Я ведь об этом и говорю.

Корделия слегка склонила голову.

— Разумеется, окончательное решение должно принадлежать самому принцу.

Аэрон перестал раскачивать качели.

До этого он слушал сестру с привычным невозмутимым выражением лица, однако ответ Корделии заставил его задержать на ней взгляд.

Она говорила безупречно вежливо. Даже слишком вежливо для человека, с которым они были знакомы столько лет. Аэрон помнил, как легко они разговаривали в детстве, как Корделия могла часами обсуждать с ним историю четырёх царств и не стеснялась возражать, если считала его неправым. Теперь же она обращалась к нему почти так, словно между ними стоял весь королевский двор.

Он не вполне понимал, почему это его задело.

Корделия почувствовала его взгляд и подняла глаза.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Ты совершенно права, — тихо сказал Аэрон.

Корделия ответила едва заметным кивком.

— Благодарю.

— Ну вот, — вздохнула Лирия. — Теперь вы оба разговариваете так, словно заседаете в королевском совете. Я всего лишь хотела узнать, когда мой брат наконец влюбится.

— А я полагала, что ты собираешься подобрать ему невесту, — заметила Женевьева.

— Одно другому совершенно не мешает!

— Лирия, — произнёс Аэрон, и в уголках его губ мелькнула улыбка, — ты ведь понимаешь, что я могу начать подыскивать женихов и тебе?

— Не посмеешь.

— Почему же?

— Потому что я твоя любимая сестра.

— Единственная, — поправил он.

— Тем более. Ты обязан мной дорожить.

— Именно поэтому я пока ничего подобного не предпринимаю.

Лирия рассмеялась и откинулась на подушки.

— Ладно, сдаюсь. Сегодня оставлю тебя в покое. Но только сегодня.

— Очень великодушно с твоей стороны.

Женевьева с улыбкой наблюдала за ними.

— Знаете, а ведь вы совершенно не изменились. Лирия по-прежнему пытается командовать братом, а он по-прежнему делает вид, что не замечает.

— Я всё замечаю, — негромко возразил Аэрон.

— Просто слишком добр, чтобы спорить со мной, — добавила Лирия.

— Скорее, слишком благоразумен, — заметила Корделия.

Аэрон взглянул на неё, и на этот раз его улыбка стала чуть заметнее.

— Благодарю, Корделия.

Она улыбнулась в ответ, прежде чем успела себя остановить.

Лирия тем временем уже вернулась мыслями к предстоящим развлечениям.

— Итак, с женихами мы разобрались. Теперь вернёмся к действительно важным вопросам. Женевьева, ты обещала показать мне бухту.

— И покажу. Если нам удастся выбраться из замка.

— Удастся, — уверенно заявила Лирия. — Мы просто заранее попросим разрешения. Уверена, твоя матушка не станет возражать против морской прогулки.

— Если мы возьмём сопровождение, — уточнила Корделия.

— Разумеется, — согласилась Лирия с такой готовностью, что Женевьева подозрительно на неё посмотрела.

— Ты что-то задумала?

— Пока нет. Но, если у меня появится хорошая мысль, ты узнаешь первой.

— Почему-то меня это совершенно не успокаивает, — заметил Аэрон.

— А тебя никто и не собирался успокаивать.

Он лишь улыбнулся и вновь слегка подтолкнул качели.

Женевьева откинулась на мягкие подушки, наслаждаясь движением и тёплым ветерком. Рядом Лирия уже с увлечением расспрашивала её о бухте, желая знать всё — от цвета песка до того, можно ли добраться туда верхом. Корделия время от времени отвечала на вопросы, а Аэрон слушал их разговор, лишь изредка вставляя короткие замечания.

Всё было почти так же, как год назад, когда они вместе гуляли по садам Царства Воздуха.

Женевьева посмотрела на друзей и улыбнулась.

Впереди их ждали дни, наполненные праздниками, приёмами и неизбежными разговорами о будущем. Но сейчас, среди цветущих деревьев, под ласковым летним солнцем, ей хотелось думать лишь о том, как хорошо снова быть всем вместе.

* * *Закатное солнце окрашивало стены королевского замка в тёплые золотистые тона. За распахнутыми окнами покоев Женевьевы раскинулось море, на поверхности которого дрожала широкая полоса багряного света. Сад внизу постепенно погружался в вечернюю тень, а лёгкий ветер доносил до комнаты аромат цветущих роз.Женевьева сидела перед высоким зеркалом в резной позолоченной раме и неторопливо расчёсывала длинные светлые волосы. На туалетном столике стояли хрустальные флаконы с духами и небольшая шкатулка с украшениями.День выдался насыщенным. Приезд королевской семьи Воздуха, долгожданная встреча с Лирией, прогулка по саду — всё это оставило после себя приятное возбуждение. Женевьева уже предвкушала вечер, когда сможет вновь увидеть друзей за общим столом.В дверь негромко постучали.— Войдите.На пороге появилась Марта. Её рыжие волосы были аккуратно уложены, а тёмно-синее платье с узкими рукавами подчёркивало стройную фигуру.— Женевьева, я не помешала? — спросила она, прикрыв за собой дверь.— Марта, перестань. Ты прекрасно знаешь, что я всегда тебе рада.Женевьева положила гребень на столик и посмотрела на подругу через зеркало.— Что-то случилось?— Ничего дурного. Просто в замке сегодня, кажется, не

собираются прекращать встречать гостей.— Кто-то ещё приехал?Марта кивнула.— Только что прибыла королевская семья Царства Огня. Слуги уже готовят для них покои, а на кухне поднялась такая суета, будто ужин предстоит готовить заново.— Царство Огня? — Женевьева повернулась на стуле. — Уже сегодня?— Да. Король Игнес со своей семьёй прибыл незадолго до заката. Мне передали, что они присоединятся к сегодняшнему ужину.— Значит, за столом соберутся сразу три королевские семьи, — задумчиво произнесла Женевьева.— Похоже на то.Принцесса вновь повернулась к зеркалу и медленно провела гребнем по волосам.— Странно. Я ведь почти не помню королевскую семью Огня.— Разве вы прежде не встречались?— Встречались. Но очень давно. Мне было, кажется, лет восемь.Она ненадолго задумалась, пытаясь восстановить в памяти события того времени.— Мы с Корделией тогда ещё были совсем детьми. Помню большой приём, множество незнакомых лиц и то, как долго нам пришлось стоять рядом с родителями, приветствуя гостей. Кажется, именно тогда я впервые увидела кого-то из королевской семьи Огня.— И больше вы не встречались?— Насколько помню, нет. По крайней мере, я не могу припомнить ни одной встречи за последние десять лет.Женевьева отложила гребень.— Забавно, правда? С Лирией и Аэроном мы знакомы с детства, а о наших северо-восточных соседях я почти ничего не знаю.— Возможно, сегодня у тебя появится возможность это исправить, — заметила Марта.— Возможно.Женевьева взглянула на своё отражение и провела пальцами по распущенным волосам, расправляя несколько прядей, упавших на плечи.— А ты знаешь, кто именно приехал вместе с королём Игнесом?— Нет. Мне сообщили лишь о прибытии короля и его семьи. Больше ничего определённого я пока не слышала.— Что ж, значит, познакомимся за ужином.Марта подошла к окну и на мгновение задержалась у подоконника, любуясь морем.— Красивый сегодня закат.— Да, — согласилась Женевьева. — Жаль, что скоро придётся спускаться.— До ужина ещё есть немного времени.— Тогда посиди со мной.Марта устроилась в небольшом кресле у окна, а Женевьева вновь взяла гребень.— Кстати, — произнесла принцесса, — я сегодня рассказала Лирии, что хочу показать ей нашу бухту за западным мысом. Она уже собирается туда завтра.— Завтра? — Марта подняла брови. — А как же подготовка к празднику?— Именно об этом мне напомнила Корделия.— И совершенно справедливо.Женевьева вздохнула.— Вы с ней иногда удивительно похожи.— Я сочту это комплиментом.— Разумеется, ты так и сделаешь.Марта улыбнулась.— Если всё же решите поехать, предупреди меня заранее. Я хотя бы успею подготовить всё необходимое.— Непременно. И, разумеется, ты поедешь с нами.— Тогда надеюсь, что вы выберете день, когда у нас действительно будет свободное время.— Постараемся, — пообещала Женевьева с улыбкой.За окном последние солнечные лучи медленно исчезали за морским горизонтом. В коридорах замка уже слышались шаги слуг, спешивших закончить приготовления к ужину.Женевьева положила гребень и поднялась из-за туалетного столика. Её длинные светлые волосы свободно рассыпались по спине.— Пожалуй, сегодня стоит спуститься немного раньше. Не хотелось бы заставлять гостей ждать.— Тогда я принесу тебе туфли, — ответила Марта, поднимаясь с кресла.Она направилась к двери, а Женевьева ещё раз взглянула в зеркало.Десять лет — немалый срок. За это время она успела почти забыть лица тех, кого когда-то представляли ей как королевскую семью Огня.Интересно, насколько они изменились?Впрочем, совсем скоро ей предстояло это узнать.

* * *

Вечерний ужин проходил в малой королевской столовой, окна которой выходили на море. Последние отблески заката ещё сохранялись над горизонтом, но в зале уже горели свечи. Их мягкий свет ложился на белоснежную скатерть, серебряные приборы и хрустальные бокалы. В распахнутые окна проникал свежий морской воздух, смешиваясь с ароматами приготовленных блюд.

За длинным столом собрались представители трёх королевских семей. Король Морис сидел во главе стола, рядом с ним — Элина. Этерий и Мирелла расположились по одну сторону,

напротив них — король Игнес и его мать, королева Мелисса. Молодые принцы и принцессы заняли остальные места.

Пустовали лишь два стула: Женевьевы и младшего принца Царства Огня.

Слуги разносили блюда и наполняли бокалы. Беседа текла неторопливо, без той церемонности, которая неизменно сопровождала официальные приёмы.

— Должна признаться, Морис, я успела забыть, насколько прекрасны ваши земли, — произнесла Мелисса, отложив приборы. — Когда мы подъезжали к Мордину, я всё не могла оторваться от окна кареты. Эти зелёные холмы, сады, реки… На мгновение мне даже показалось, будто я вернулась домой.

— В Царство Земли? — уточнил Морис.

— Именно. Конечно, у нас нет такого моря, но некоторые долины удивительно похожи на ваши. Особенно сейчас, летом, когда всё цветёт.

— Я бывал в Царстве Земли и понимаю, о чём вы говорите, — согласился Морис. — У нас действительно немало общего. Хотя, признаться, вашим лесам и плодородным равнинам я всегда немного завидовал.

— А я, напротив, завидовала вашему побережью, — отозвалась Мелисса. — В детстве мне казалось невероятным, что можно просыпаться каждое утро и видеть из окна море.

— Значит, вам стоит гостить у нас чаще, — предложила Элина. — В замке достаточно комнат, а летом здесь особенно приятно.

— Не искушайте меня, дорогая. Боюсь, после такого приглашения я начну приезжать без предупреждения.

— Мы будем только рады, — ответила королева.

Мелисса улыбнулась и обратила внимание на сына.

Игнес сидел прямо, сохраняя привычную сдержанность. Чёрный камзол с тёмно-красной вышивкой подчёркивал его широкие плечи. Даже за дружеским ужином молодой огненный король держался с безупречной собранностью. Он внимательно слушал собеседников и вступал в разговор лишь тогда, когда ему было что сказать.

— Надеюсь, путь через восточные перевалы не доставил вам неудобств, — обратился к нему Морис.

— Никаких, Ваше Величество. Дороги содержатся в превосходном состоянии. Мы добрались даже быстрее, чем рассчитывали.

— Рад это слышать. В прошлом году там пришлось укреплять несколько участков после сильных дождей.

— Работы, очевидно, были проведены основательно, — заметил Игнес.

Морис одобрительно кивнул.

На некоторое время разговор перешёл к торговым путям и предстоящим празднествам. Этерий расспрашивал хозяина о новых пристанях Мординского порта, а Мирелла и Элина обсуждали цветочные украшения для дворцовых галерей.

Корделия дождалась небольшой паузы.

— Ваше Величество, — обратилась она к Игнесу, — я хотела бы выразить вам и вашей матушке свои искренние соболезнования. Известие о кончине вашего отца в прошлом году глубоко опечалило нашу семью.

За столом стало тише.

— Благодарю вас, принцесса Корделия, — ответил Игнес. — Для нас это была тяжёлая утрата.

Мелисса опустила взгляд к бокалу. Улыбка исчезла с её лица, уступив место сдержанной скорби, вполне подобающей вдове покойного короля.

— Его Величество был выдающимся правителем, — продолжила Корделия. — Мой отец всегда отзывался о нём с большим уважением. Его заслуги перед Царством Огня останутся в памяти многих поколений.

— Это правда, — произнёс Морис. — Твой отец был человеком слова, Игнес. Я высоко ценил нашу дружбу и всегда знал, что могу положиться на его обещания.

— Он и сам очень уважал вас, — ответил Игнес. — Не раз говорил, что добрые отношения между нашими царствами необходимо беречь.

— И я надеюсь, что мы продолжим их поддерживать.

— Можете в этом не сомневаться.

— Благодарю вас обоих, — произнесла Мелисса. — Ему было бы приятно услышать такие слова.

Она повернулась к Корделии.

— Вы очень добры, принцесса. Особенно трогательно слышать это от столь юной девушки.

— Я лишь сказала то, что думаю, Ваше Величество.

Вскоре беседа вернулась к более лёгким темам.

Этерий рассказал о недавнем путешествии по северным областям своего царства. Лирия с интересом расспрашивала Рейна о его лошадях. Тот с удовольствием перечислял достоинства любимого жеребца, уверяя, что тот гораздо умнее остальных обитателей королевских конюшен.

— Судя по твоему рассказу, — заметил Аэрон, — коню следовало бы выделить отдельные покои.

— Я уже просил, — совершенно серьёзно ответил Рейн. — Но отец не разрешил.

За столом раздался смех.

— И не разрешу, — подтвердил Морис.

— Даже если он будет хорошо себя вести?

— Особенно в этом случае.

Рейн вздохнул, явно не понимая, чем хорошее поведение могло ухудшить положение его любимца.

В этот момент двери столовой открылись.

На пороге появилась Женевьева.

Она собиралась прийти к ужину раньше остальных, однако по дороге через дворцовую галерею услышала музыку. Кто-то играл в саду на лютне, и мелодия оказалась настолько красивой, что принцесса невольно остановилась у открытой арки.

Женевьева прислонилась к каменным перилам и заслушалась. Лишь когда музыка стихла, она вспомнила, куда направлялась.

К тому времени ужин уже начался.

Принцесса вошла в столовую, стараясь не выдавать спешки. Длинные светлые волосы свободно спадали по спине, а нежно-голубое платье мягко колыхалось при каждом шаге.

Остановившись у входа, она присела в почтительном реверансе.

— Прошу простить моё опоздание. Добрый вечер.

— Добрый вечер, Женевьева, — ответил Морис.

По его взгляду она поняла, что отец заметил опоздание.

— Присоединяйся к нам, дорогая, — мягко произнесла Элина.

Женевьева направилась к своему месту, по пути обменявшись улыбками с Лирией и Мирелой.

— Ваше Величество, — обратилась она к Игнесу, — рада приветствовать вас в нашем замке. Надеюсь, дорога была приятной.

— Благодарю вас, принцесса. Весьма приятной.

Затем Женевьева повернулась к Мелиссе.

— Королева Мелисса, для меня большая честь вновь видеть вас.

— Ах, Женевьева! — тепло воскликнула та. — Какая красавица! Я ведь помню тебя совсем маленькой девочкой. А теперь передо мной настоящая молодая леди.

— Вы очень добры, Ваше Величество.

— Нисколько не преувеличиваю. Вы обе с Корделией так выросли! Кажется, ещё вчера вы прятались за юбкой матушки, а теперь уже готовитесь отмечать совершеннолетие.

— Боюсь, я тогда доставляла родителям немало хлопот, — ответила Женевьева.

— О, дети для того и существуют, чтобы доставлять хлопоты. Поверьте, у меня в этом отношении весьма богатый опыт.

Игнес приподнял бровь.

— Матушка.

— Я ведь не назвала имён, дорогой.

Этерий рассмеялся.

— Мелисса, уверяю вас, наши дочери тоже не всегда были образцом послушания, — заметила Элина.

— Мама, — тихо произнесла Женевьева.

— Но сегодня мы не станем вспоминать все их детские проделки, — закончила королева.

— Какая жалость, — отозвалась Лирия. — А я бы с удовольствием послушала.

— Ты и так знаешь слишком много, — заметила Женевьева.

— И дорожу каждым воспоминанием.

Женевьева заняла своё место.

Слуга подал ей тарелку, и разговор продолжился. Принцесса успела обменяться несколькими словами с Корделией и ответить на вопрос Мирелы о предстоящих торжествах, когда двери столовой открылись во второй раз.

— Его Высочество принц Дариан, — объявил распорядитель.

В зал вошёл молодой мужчина в чёрном камзоле без излишних украшений. Тёмные волосы были аккуратно пострижены, а в движениях чувствовалась непринуждённая уверенность.

— Добрый вечер, — произнёс он, почтительно склонив голову. — Прошу простить, что заставил себя ждать.

— Дариан, дорогой! — воскликнула Мелисса. — Наконец-то. Я уже начала думать, что ты решил пропустить ужин.

— Ни за что, матушка. Особенно когда нас принимают столь гостеприимные хозяева.

Он повернулся к Морису.

— Ваше Величество, благодарю за приглашение.

— Рад приветствовать тебя в Мордине, Дариан. Присаживайся.

Игнес бросил на младшего брата строгий взгляд. Опоздание на ужин в присутствии трёх королевских семей явно не заслуживало одобрения.

Дариан ответил ему самым невинным выражением лица и направился к свободному месту. Однако, окинув стол глазами, вдруг замедлил шаг.

Среди гостей он увидел знакомое лицо.

Вот так встреча.

Девушка из таверны, с которой он обменялся несколькими колкостями и которую безуспешно пытался очаровать, теперь сидела за королевским столом.

Дариан знал, что у Мориса две дочери-близнецы, но не видел их много лет и едва ли сумел бы различить без подсказки.

Интересно, которая из них?

— Дариан, — обратился к нему Морис, — полагаю, с моими дочерьми ты ещё не успел поздороваться.

— К моему сожалению, Ваше Величество.

— Вы давно не видели друг друга. В таком случае позволь представить их тебе заново. Моя дочь Корделия.

Он указал на девушку, сидевшую ближе к Аэрону.

Корделия приветливо улыбнулась и слегка склонила голову.

— Рада вновь видеть вас, принц Дариан. Надеюсь, ваше пребывание в Мордине будет приятным.

— Благодарю вас, принцесса Корделия. Не сомневаюсь, что так и будет.

— А это Женевьева, — продолжил Морис.

Женевьева.

Дариан повернулся к девушке из таверны.

Она тоже узнала его.

Эндрю.

На мгновение Женевьева растерялась. Человек, которого она встретила под чужим именем, оказался младшим братом короля Огня. Он знал о её тайном посещении таверны. Если отец услышит об этом, объясняться придётся долго. Но внешне принцесса сохранила полное спокойствие.

— Добро пожаловать в Царство Воды, Ваше Высочество. Надеюсь, дорога не слишком вас утомила.

— Благодарю вас, принцесса Женевьева, — ответил Дариан с почтительным поклоном. — Напротив, путешествие оказалось весьма занимательным.

— В таком случае надеюсь, что и пребывание здесь доставит вам удовольствие.

— Уверен, вы не позволите мне скучать.

Женевьева уловила знакомую насмешку, но ответила любезной улыбкой.

— В Мордине достаточно развлечений, Ваше Высочество. Полагаю, вы непременно найдёте что-нибудь по своему вкусу.

— Дариан, — вмешалась Мелисса, — ты ведь ещё не успел толком осмотреть замок. Надеюсь, завтра у тебя найдётся время составить компанию молодым людям.

— С удовольствием, матушка.

— Лирия как раз предложила завтра отправиться к морю, — заметила Элина. — Если погода позволит, молодёжь сможет провести там несколько часов.

— Прекрасная мысль, — одобрил Морис. — Дариан, уверен, тебе понравятся наши бухты.

— Не сомневаюсь, Ваше Величество.

Дариан занял своё место.

Женевьева вернулась к разговору с сестрой, хотя теперь мысли её были заняты совсем другим. Она не знала, почему Дариан представился в таверне чужим именем и собирается ли рассказать об их встрече.

Принц тем временем принял из рук слуги бокал вина и присоединился к общей беседе. Выдавать Женевьеву он не намеревался. Куда интереснее было посмотреть, как долго она сумеет поддерживать видимость их первого знакомства.

Что ж, принцесса. Посмотрим, как долго ты сумеешь притворяться.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.